

ВЫМИРАНИЕ
Радикальная история

ЭШЛИ
ДОУСОН

Ashley Dawson

**EXTINCTION:
A RADICAL HISTORY**

OR Books
2016

Эшли Доусон

**ВЫМИРАНИЕ:
РАДИКАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

Перевод с английского
Светланы Герасимовой

Антропоцен
2021

Ashley Dawson. Extinction: A Radical History. New York and London, OR Books, 2016.

ISBN 978-1-68219-040-1 paperback
ISBN 978-1-68219-041-8 e-book

© Ashley Dawson, 2016

Эшли Доусон. Вымирание: радикальная история.
Антропоцен, 2021.

Переводчица: Светлана Герасимова
Редактура и верстка: Михаил Пономарев

© Светлана Герасимова, 2021
© Издательство «Антропоцен», 2021

Электронная версия этой книги доступна на сайте
anthropocene.press

1. Введение	4
2. Причины текущей катастрофы	12
3. Капитализм и вымирание	27
4. Антивымирание.....	47
5. Радикальная охрана природы.....	63
6. Заключение	73
Библиография.....	78
Благодарности	84
Об авторе	85
Примечания	86

1. ВВЕДЕНИЕ

У него было отрезано лицо. Его тело, в красной пыли, брошенное на съедение стервятникам, осталось нетронутым, за исключением этой ужасной дыры на месте его великолепных шестифутовых бивней. Сатао был так называемым таскером, африканским слоном с редкой генетической особенностью, из-за которой его бивни были настолько длинными, что свисали до самой земли, — это делало его главной достопримечательностью национального парка Восточный Цаво в Кении¹.

Эти великолепные бивни также сделали его особенно ценным в глазах браконьеров; они ранили его ядовитыми стрелами и, чтобы заполучить бивни, отрезали ему лицо, оставив тушу мухам. Ужасная смерть Сатао, одного из крупнейших слонов Африки, — часть жестокой волны браконьерства, захлестнувшей сегодня континент. В 2011 году 25 000 африканских слонов были убиты ради слоновой кости². С тех пор погибло еще 45 000 этих животных¹. Если убийства будут происходить теми же темпами, один из двух видов африканских слонов, лесной слон, численность которого с 2002 года снизилась на 60%, скорее всего, исчезнет в Африке в течение десятилетия.

Образ Сатао без лица, лежащего в пыли, невозможно забыть. Хотя слоны как вид, вероятно, не исчезнут (поскольку несколько особей сохранится в заповедниках и зоопарках), резкое сокращение их численности в дикой природе напоминает нам о более обширной волне вымирания — шестом массовом вымирании.

¹ Данные за 2016 год. — Прим. пер.

Всего несколько десятков тысяч лет назад, в эпоху плейстоцена, Земля была домом для огромного разнообразия впечатляющих, крупных животных. От мамонтов и саблезубых кошек до менее известных экзотических животных, таких как гигантские наземные ленивцы и глиптодонты размером с автомобиль, мегафауна свободно бродила по миру. Сегодня почти все эти крупные животные вымерли: как показывает большинство данных, они были истреблены людьми³. Распространяясь по планете, *Homo sapiens* уничтожал местные популяции мегафауны везде, где бы он ни появлялся. По сути, сокращая биоразнообразие, человек выедал свой путь по пищевой цепочке вниз⁴. Остатки биоразнообразия плейстоцена сохранились практически только на прародине людей — в Африке. Ужасающая смерть Сатао и его собратьев — это свидетельство окончательного уничтожения оставшейся в мире мегафауны, финал эпохи чудовищной дефаунизации, или массового убийства животных⁵.

Но не только такие представители харизматичной мегафауны, как слоны, носороги, тигры и панды, оказались на грани вымирания. Человечество живет в условиях массового уничтожения глобального биоразнообразия и является его причиной. От скромных беспозвоночных, таких как жуки и бабочки, до различных популяций наземных позвоночных, таких как летучие мыши и птицы, вымирание видов достигло рекордных уровней. Например, начиная с 1500 года исчезло уже 322 вида наземных позвоночных, а численность оставшихся популяций во всем мире в среднем сократилась на 25%⁶. Популяции беспозвоночных также находятся под угрозой. Исследователи в целом согласны с тем, что нынешние темпы вымирания просто катастрофические и в 1 000–10 000 раз превышают темпы, существовавшие до того, как люди начали оказывать значительное воздействие на окружающую среду⁷. Сегодня Земля теряет около ста видов в день⁸. В дополнение к этому

цунами вымирания, которое, по прогнозам биоэкологов, уничтожит до 50% существующих в настоящее время видов животных и растений⁹, стремительно сокращается изобилие видов на локальных уровнях, что угрожает функционированию целых экосистем¹⁰. Именно поэтому текущее массовое вымирание является недооцененной формой — а также причиной — современного экологического кризиса.

Хотя эта волна массового вымирания носит глобальный характер, подавляющее большинство исчезающих видов сосредоточено в небольшом числе географических очагов. Это связано с неравномерным распространением биоразнообразия. На сущее основными очагами биоразнообразия являются тропические леса. Хотя они покрывают лишь 6% поверхности Земли, в их наземных и водных средах обитает более половины известных видов¹¹. По словам Эдварда Уилсона, главная бойня вымирания происходит в тропиках, где огромные зеленые просторы разделены на быстро деградирующие фрагменты, и где виды животных и растений изо всех сил стремятся приспособиться к разрушению среды обитания, инвазивным видам, чрезмерной лесозаготовке и к набирающему обороты антропогенному изменению климата¹². От огромного бассейна Амазонки до тропических лесов Западной и Центральной Африки, джунглей Индонезии, Малайзии и других частей Юго-Восточной Азии люди уничтожают места обитания миллионов видов. Таким поведением мы не только обрекаем на вымирание огромное количество видов, подавляющее большинство из которых до сих пор не идентифицированы, но и ставим под угрозу наше собственное существование на этой планете.

Широкая общественность начала узнавать о бедственном положении флоры и фауны планеты благодаря доступным для понимания работам научной журналистики, таким как книга Элизабет Колберт «Шестое вымирание». Книга Колберт отправляет читателей

в ужасающее путешествие вместе с ботаниками, которые следуют за границей произрастания леса, взирающейся по склонам гор в Андах, и морскими биологами, отслеживающими закисление океанов. Нынешней волне вымирания, объясняет она, предшествовали пять других массовых вымираний, опустошивших планету последние полмиллиарда лет. Согласно прогнозам, для жизни на Земле эта волна станет самой страшной катастрофой с тех пор, как падение астероида уничтожило динозавров. Размышая об этой печальной реальности, исследователи в области гуманитарных наук начали писать о «культурах вымирания»¹³. В ответ на эту возрастающую обеспокоенность администрация Обамы создала межведомственную рабочую группу по незаконной торговле ресурсами дикой природы и начала обсуждать схемы такой торговли, связывая убийства слонов и носорогов с партизанскими группировками и преступными синдикатами – такими как «Джанджавид» и «Аш-Шабаб», которые используют высокие прибыли от контрабанды диких растений и животных для финансирования своей деятельности¹⁴.

Однако слишком часто подобные инициативы приводят к «войнам с браконьерами», в которых игнорируются основные структурные причины, приводящие к разрушению среды обитания и чрезмерному истреблению животных¹⁵. Ведь очаги биоразнообразия планеты расположены в местах, которые Кристиан Паренти называет «тропиками хаоса»¹⁶. Происходящее в тропических широтах планеты Паренти определяет как *катастрофическую конвергенцию* – крайне разрушительное сочетание трех факторов:

- 1) милитаризация и этническая фрагментация, относящиеся к наследию холодной войны в постколониальных странах;
- 2) несостоятельность государств и гражданская междоусобица, связанные с политикой структурной перестройки, которую, начиная с 1980-х годов, навязывали

глобальному Югу под предлогом выплаты долга такие организации, как Всемирный банк;

3) экологические стрессы, вызванные изменением климата, такие как опустынивание.

Паренти подробно пишет о воздействии этой катастрофической конвергенции на постколониальные народы и государства, но описываемая им картина стрессов, влияющих на глобальный Юг, является неполной без подробного рассмотрения отношений между человечеством и природой во всем ее многообразии. Мы не можем понять, что такое катастрофическая конвергенция, без обсуждения сокращения биоразнообразия, которое в настоящее время происходит на глобальном Юге. И наоборот, мы не можем понять вымирание без анализа эксплуатации и насилия, которым подвергались постколониальные страны.

Вымирание — это продукт глобального наступления на всеобщее достояние: воздух, воду, растения и коллективно созданные формы культуры, такие как язык, которые традиционно считаются наследием всего человечества. Удивительно богатая и разнообразная дикая природа Земли представляет собой бесплатный общий котел товаров и рабочей силы, которые капитал может использовать. Такие критики, как Майкл Хардт и Антонио Негри, утверждают, что агрессивная политика либерализации торговли в последние десятилетия была основана на приватизации всеобщего достояния — на превращении идей, информации, видов растений и животных и даже ДНК в частную собственность¹⁷. Внезапно такие вещи, как семена, которые когда-то крестьяне свободно продавали по всему миру, стали дефицитным товаром и даже выводятся агропромышленными корпорациями так, чтобы становиться бесплодными через одно поколение, — этот продукт фермеры глобального Юга довольно метко называют «семенами-самоубийцами»¹⁸. Другими словами, уничтожение глобального биоразнообразия следует опре-

делять как великое и, возможно, окончательное наступление на всеобщее благосостояние планеты. Более того, вымирание, наряду с изменением климата, необходимо рассматривать как передовой край противоречий современного капитализма¹⁹.

Капитал должен расширяться с все возрастающей скоростью, иначе он впадет в кризис, который приведет к снижению стоимости активов для владельцев акций и собственности, а также к закрытию заводов, массовой безработице и политическим волнениям²⁰. Однако по мере расширения капитализм все больше и больше превращает планету в товар, лишая мир его разнообразия и изобилия — подумайте об этих семенах-самоубийцах. Раньше присущая капиталу тенденция создавать то, что Вандана Шива называет «монокультурами сознания», вызывала множество локальных экологических кризисов, — теперь эта ненасытная пасть поглощает целые экосистемы, тем самым угрожая всей природе в планетарном масштабе²¹. В настоящее время не существует эффективных институтов для борьбы со «злокачественной деградацией» глобальной окружающей среды, которая, как утверждает Дэвид Харви, вызвана потребностью непрерывного экспоненциального роста капитала²². И вместе с тем для поддержания своего роста капитал, конечно же, нуждается в непрерывной коммодификации^{II} окружающей среды. Таким образом, нынешние катастрофические темпы вымирания и сокращение биоразнообразия представляют прямую угрозу воспроизводству капитала. Действительно, шестое вымирание — наиболее явный пример того, как накопление капитала разрушает собственные условия воспроизводства. По мере того, как темпы видообразования — эволюции новых биологических видов — все больше отстают от скорости вымирания, призрак истощения и даже уничтожения капиталом биологической

^{II} Коммодификация — превращение в товар. — *Прим. пер.*

основы, от которой он зависит, становится все более реальным.

Книга «Вымирание: радикальная история» предназначена в качестве учебника по вымиранию видов для активисток, ученых и исследовательниц культуры, а также для представителей общественности, желающих понять одно из важных, но слишком часто упускаемых из виду событий нашего времени. Вымирание – это одновременно и материальная реальность, и культурный дискурс, формирующий общее представление о мире, которое часто легитимирует неэгалитарный социальный порядок. Чтобы должным образом отреагировать на этот планетарный кризис, нам необходимо пересечь границы, разделяющие науку, экологию и радикальную политику. Действительно, вымирание нельзя рассматривать в отрыве от критики капитализма и империализма. «Вымирание: радикальная история» начинается с обсуждения понятия антропоцен – этот термин используется чтобы задать основополагающие вопросы: не только о том, когда началась шестая волна массового вымирания, но и о том, кто именно несет ответственность за вымирание. Во втором разделе описываются различные аспекты вымирания, являющиеся плодами капитализма, от таких ранних современных форм дефаунтации, как пушная охота, до массового забоя, каким является китобойный промысел, возникший вместе с промышленной революцией. Кроме того, в этом разделе обсуждаются такие формы побочного экоцида, как обесцвечивание кораллов и вымирание, вызванное инвазивными видами, а также методы ведения экологической войны, как использование Агента «оранж» во Вьетнаме и загрязнение дельты реки Нигер. В третьем разделе книги «Вымирание: радикальная история» рассматривается биокапитализм как катастроф: разнообразие политических, экономических и экологических реакций капитала на кризис вымирания. В этом разделе освещается не только вопиющий

провал борьбы с вымиранием в рамках капиталистической системы, но и попытки преодолеть этот кризис путем запуска нового цикла накопления методами синтетической биологии. Наконец, в разделе о радикальной охране природы рассматриваются различные антикапиталистические подходы к решению кризиса вымирания, основанные на социальной и экологической справедливости.

Сегодня призрак вымирания не дает покоя общественному воображению. Современная культура наполнена изображениями зомби, смертоносных эпидемий и другими зрелищными репрезентациями экологических катастроф²³. Для жителей богатых стран глобального Севера такие репрезентации представляют собой лишь предзнаменования ужасающего грядущего мира. Но для миллиардов людей по всему миру, которых Ранаджит Гуха и Хуан Мартинес Альер называют «народами экосистем», и чья судьба тесно связана с флорой и фауной планеты, вопрос вымирания напрямую связан с их собственным выживанием сегодня и в будущем²⁴. Убийство такого слона, как Сатао, может обогатить нескольких браконьеров, но значительно обедняет экосистему, в которой он обитал. Мы только начинаем понимать последствия уничтожения таких крупных диких животных, как слоны, для среды их обитания, но уже становится ясно, что дыры, пробитые в паутине жизни, имеют трагический каскадный эффект²⁵. По мере исчезновения миллионов видов под угрозой оказывается биологическое разнообразие, которое поддерживает знакомую нам и нашим предкам экосистему планеты. Эту катастрофу невозможно остановить — и тем более обратить вспять — в рамках нынешней капиталистической культуры. Перед нами очевидный выбор: радикальная политическая трансформация или набирающее обороты массовое вымирание.

2. ПРИЧИНЫ ТЕКУЩЕЙ КАТАСТРОФЫ

«Как услышал Гильгамеш сотоварища слово, боевой свой топор он поднял, из-за пояса выхватил меч свой, и мечом ударил Хумбабу он в шею, и друг его Енкиду его в грудь ударил. И на третьем ударе пал Хумбаба. И началась неразбериха, ибо защитника леса они повалили на землю. На две лиги вокруг застонали кедры, когда Енкиду повалил стража леса, чей голос чтили Ливан и Хермон. Теперь сдвинулись горы и все холмы, убит был защитник леса».

— «Эпос о Гильгамеше» (2500–1500 лет до н.э.)

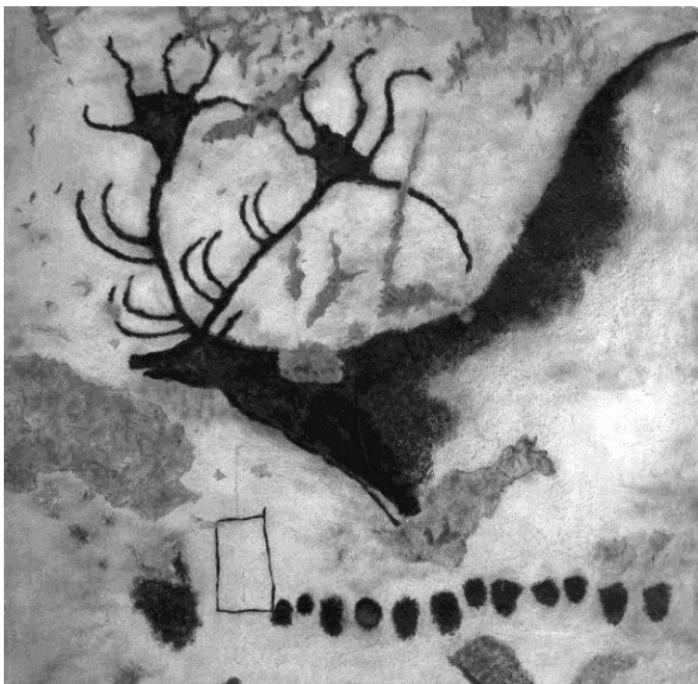
Когда началось шестое вымирание, и кто несет за него ответственность? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется рассмотреть понятие *антропоцен*, которое становится все более влиятельным в последнее время. Термин впервые был введен в широкое употребление в 2000 году специалистом по химии атмосферы Паулем Крутценом и относится к трансформации атмосферы Земли под воздействием человечества — воздействием столь существенным, что знаменует собой новую геологическую эпоху²⁶. Идея об эпохе антропоцен, в ходе которой человеческая деятельность фундаментально изменила окружающую среду планеты, лишила смысла традиционные представления о четком разделении между человеком и природой и, выйдя за пределы довольно закрытого мира химиков и геологов, оказала влияние на ученых-гуманитариев — так Дипеш Чакрабарти предлагает ее в качестве новой исторической оптики²⁷. Несмотря на рост популярности термина, ведутся жаркие дебаты о том, какой момент считать началом антропоцен. Крутцен датирует его концом XVIII века, когда промышленная революция положила начало крупномасштабным выбросам углекислого газа в атмосферу²⁸. Такая датировка получила широкое признание, несмотря на то, что она скорее относится к последствиям, а не к причинам, и тем самым затрудняет понимание ключевых вопросов неравенства и насилия человечества по отношению к природе²⁹. Если тщательно проанализировать периодизацию вымирания, то вопросы власти, агентности и антропоцен потребуют еще больше нашего внимания.

Продолжая дискуссию о роли человечества в уничтожении биоразнообразия, которое мы унаследовали, когда эволюционировали как вид в эпоху плейстоцена, мы должны сдвинуть отметку начала антропоцен в прошлое гораздо дальше, чем 1800 год. Это имеет смысл, поскольку флора и фауна планеты, бесспорно, оказывают существенное воздействие на мир, если рассматривать его в совокупности и в течение длительного

периода времени. Недавно биологи приняли такую более длительную оценку, придумав выражение «дефаунизация в антропоцене»³⁰. Они задались вопросом, как далеко во времени мы можем датировать масштабное воздействие *Homo sapiens* на планету? По мнению Франца Бросвиммера, поворотным моментом стало развитие языка, а вместе с ним и способности к сознательному целеполаганию³¹. Бросвиммер утверждает, что возникновение языка и целеполагания примерно 60 000 лет назад породило колоссальный потенциал для инноваций, который способствовал адаптивным изменениям в человеческой социальной организации³². В археологических данных этот водораздел отмечен огромным количеством артефактов, таких как кремни и наконечники стрел. Благодаря этому «большому скачку» *Homo sapiens*, по сути, перешел от биологической эволюции путем естественного отбора к культурной эволюции. Но, к сожалению, наше освобождение как вида от того, что можно рассматривать как плен природы, сделало нас силой, способной разрушить окружающую среду на планете.

Вместе с этой метаморфозой человеческой культуры претерпело радикальные изменения наше отношение к природе в целом и к животным в частности. В эпоху позднего плейстоцена (50 000–35 000 лет назад) наши предки стали очень эффективными убийцами. Они изобрели всевозможные орудия для охоты на крупную дичь – от луков и стрел до копьеметалок, гарпунов и ям-ловушек. Они также развили сложные методы социальной организации, связанные с охотой, позволившие им окружать целые стада крупных животных и гнать их к краю обрыва на верную смерть. В таких местах, как пещера Ласко, палеолитическая наскальная живопись того периода изображает массовую бойню: мамонтов, бизонов, гигантских лосей и оленей, носорогов и львов.

Эти рисунки – одни из первых, созданных *Homo sapiens*, – предполагают тесную связь между животными и нашим зарождающимся стремлением воображать и изображать мир. Животные наполняли мир наших фантазий, даже когда погибали от наших рук.

Одна из самых ранних записанных форм творческого самовыражения *Homo sapiens*, этот плейстоценовый олень был нарисован на стене пещеры Ласко на юге Франции.

Вместе с огромным скачком в социальной организации и способности убивать человечество распространилось по всему миру. Расселившись из нашей прародины в Африке, мы колонизировали все основные экосистемы планеты в течение 30 000 лет. Сначала мы заселили Евразию; затем, примерно 50 000–60 000 лет назад, Австралию и Новую Гвинею; затем, примерно

13 000 лет назад, Сибирь, Северную и Южную Америку; и совсем недавно, 4 000 лет назад, — острова Тихого океана. В то же время произошел крупный демографический взрыв: численность людей увеличилась с нескольких миллионов 50 000 лет назад до около 150 млн в 2000 году до н.э. Волну вымирания в позднем плейстоцене невозможно понять в отрыве от пространственной и демографической экспансии *Homo sapiens*. В большинстве мест на планете исчезновение мегафауны произошло вскоре после прибытия туда доисторических людей³³. В поисках новых территорий для охоты наши предки встретили животных, которые в ходе своей эволюции не сталкивались с человекообразными хищниками. Подобно крайне инвазивным видам, мы быстро уничтожили виды, которые не знали, что нужно держаться от нас подальше. Об уязвимости существ, которые не были знакомы с людьми, свидетельствует то, что биологи называют *принципом фильтрации*: чем раньше во времени по местным видам ударяла первая волна вымирания, вызванная деятельностью человека, тем ниже темп вымирания этих видов сегодня³⁴. Этот фильтрационный эффект означает, что на нашей прародине, в Африке к югу от Сахары, вымерло только 5% видов, в то время как Европа потеряла 29% видов, Северная Америка — 73% видов, а Австралия — ошеломляющие 94% видов. Сложно в полной мере оценить последствия позднеплейстоценового вымирания, поскольку биологи только начинают понимать каскадное воздействие, которое оказывает на экосистему уничтожение мегафауны. Тем не менее, массовое вымирание этого периода, учитывая его планетарные масштабы, безусловно, является первым свидетельством преобразующего влияния человека на все виды животных и экосистемы мира.

Когда все крупные звери исчезли, наши предки были вынуждены искать альтернативы своим тысячелетним традициям охотников-собирателей. В сочета-

нии с климатическими и демографическими изменениями вымирание мегафауны стало катализатором первого продовольственного кризиса человечества³⁵. Под влиянием кризисных условий человечество претерпело то, что можно рассматривать как второй великий переход, — неолитическую революцию. Ввиду благоприятных условий окружающей среды, — включая виды растений, которые могли быть одомашнены, обилие воды и плодородную почву, — люди перешли от кочевого способа добычи пищи к оседлому. Этот переход произошел удивительно быстро, примерно с 10 000 до 8 000 лет до н.э. Переход к сельскому хозяйству со значительно большими возможностями для производства пищи привел к демографическому взрыву. Около 10 000 лет назад, во времена неолитической революции, население Земли составляло 4 млн человек. К 5000 году до н.э. оно выросло до 5 млн человек. Затем, в ключевой период, когда после 5000 года до н.э. оседлые общества начали развиваться в больших масштабах, численность населения стала удваиваться каждое тысячелетие, достигнув к 1000 году до н.э. 50 млн человек и уже 500 лет спустя — 100 млн человек³⁶. Этот демографический бум сопровождался ростом оседлых обществ, появлением городов и ремесленной специализации, а также формированием могущественных религиозных и политических элит. Палеонтологи называют данный период эпохой голоцен, и он положил начало еще более радикальному преобразованию планеты человеком, чем предыдущая волна вымирания. Действительно, неолитическую революцию следует рассматривать как одну из самых фундаментальных метаморфоз не только в истории человечества, но и всей планеты. Одомашнивание растений и эксплуатация тягловой силы одомашненных животных позволили людям преобразовать большие участки дикой природы в управляемые человеком аграрные экологические системы. По мере возникновения «цивилизации», сначала в городах-государствах Месопотамии, а затем в Египте, Индии, Китае

и Мезоамерике человечество поистине стало видом, меняющим мир. Некоторые критики считают, что именно в этот момент началась эпоха антропоцена³⁷.

Неолитическая революция также привела к судьбоносной метаморфозе в социальной организации человечества. Благодаря интенсивному сельскому хозяйству появились излишки продовольствия, из-за чего, в свою очередь, возникла социальная дифференциация и иерархия, поскольку верховные служители культа, воины и правители стали арбитрами, распределяющими эти излишки. Большую часть последующей истории человечества можно рассматривать как борьбу за приобретение и распределение таких излишков³⁸. Примечательно, что письменность как технология возникла в Месопотамии в IV тысячелетии до н.э. из-за необходимости вести учет годового производства продовольствия и излишков³⁹. Способность клинописи и последующих систем письма передавать информацию и поддерживать социальную организацию явно сыграла важную роль в экономической экспансии древних обществ. Письменность, по всей видимости, возникла вместе с преобразованием месопотамских городов-государств, таких как Шумер, в могущественные империи⁴⁰. Древний Шумер породил множество изобретений, ставших основой для последующих цивилизаций, включая колесо, элементы алгебры и геометрии, а также стандартизированную систему мер и весов, которая упростила торговлю в древнем мире⁴¹. Шумеры также первыми создали менее приятные институты, такие как имперализм и рабство.

С появлением идеи частной собственности и организацией человеческого общества вокруг контроля над излишками, письменность также стала инструментом для документации возникающих социальных конфликтов. Большая часть письменных памятников, которую мы сегодня называем литературой, на самом деле свидетельствует о затяжных войнах. Например, в таком

произведениях, как «*Илиада*» (760 год до н.э.), мы находим то, что можно рассматривать как документацию усиления военной активности, которое сопровождало рост городов-государств и империй⁴². Возросшее значение войн привело к появлению военачальников; изначально избираемые населением, они довольно быстро стали бессменными наследными правителями⁴³. Военные ценности и почитание властителей пропитали античную культуру, что дорого обошлось большинству населения. В то время как «*Илиада*», например, прославляет воинские добродетели греческих воинов, она также представляет собой плач по насилию, которое было развязано, когда люди обратили свои навыки организованного насилия с мегафауны друг на друга.

Насилие, порожденное эпохой голоцен, как ее называют геологи, было направлено не только на других людей, но и на природу. Возможно, самое первое дошедшее до нас литературное произведение человечества, «*Эпос о Гильгамеше*» (1800 год до н.э.), основано на мифической битве с силами природы. В эпосе главный герой Гильгамеш, не удовлетворившись строительством стен вокруг своего города-государства, ищет бессмертия, сражаясь и обезглавливая Хумбабу, гигантского духа, который защищает священные кедровые рощи Ливана. Победа Гильгамеша над Хумбабой — пиррова, поскольку бог ветра и шторма проклинает Гильгамеша. Из письменных источников того периода мы знаем, что разгром Гильгамешем лесного божества отражает реальное экологическое давление на шумерскую империю того времени. По мере расширения империя исчерпала свои изначальные источники древесины. В результате шумерские воины были вынуждены отправляться в далекие северные горы, чтобы там рубить кедры и сосны, которые они затем переправляли по рекам в Шумер⁴⁴. Эти походы были опасны, поскольку племена, населявшие горы, сопротивлялись вырубке шумерами лесов на их землях.

В конечном счете, этих набегов на ресурсы оказалось недостаточно для спасения шумерской империи. Секрет могущества шумеров заключался в создании сложных ирригационных систем, которые позволяли им выращивать урожай, используя воду двух великих рек региона, Тигра и Евфрата⁴⁵. Однако со временем шумерские плотины и каналы засилились. Более того, речная вода, поступавшая в поля по оросительным каналам, испарялась под жарким солнцем и оставляла после себя минеральные вещества, что приводило ко все большему засолению почвы. Единственный способ справиться с этой проблемой — оставить землю под пашом на длительный период времени, но по мере роста численности населения эта стратегия сохранения окружающей среды стала невозможной. Краткосрочные потребности были важнее поддержания устойчивой сельскохозяйственной системы. Согласно археологическим данным, шумеры были вынуждены перейти от выращивания пшеницы к более солеустойчивому ячменю, но в конечном итоге даже урожайность ячменя снизилась на пропитанной солью земле.

Масштабное обезлесение региона также усугубило положение шумеров. Некогда обильные кедровые леса региона использовались для торгового и военного кораблестроения, а также для изготовления бронзы и керамики и строительства зданий. Как свидетельствует «Эпос о Гильгамеше», месопотамские города-государства столкнулись с нехваткой лесных ресурсов. Стремительное обезлесение региона способствовало вторичным эффектам эрозии почвы и заиления, которые наносили ущерб оросительным каналам, а также оказали значительное воздействие на биоразнообразие региона. По мере роста шумерские города-государства были вынуждены заниматься все более интенсивным сельским хозяйством, чтобы обеспечивать быстро растущее население и покрывать увеличивающиеся расходы на многочисленную армию и государственную бюрократию. Шумеры стремились справиться с этим экологическим

кризисом, возделывая новые земли и строя новые города. Однако они достигли неизбежного предела сельскохозяйственной экспансии. Накопление солей привело к снижению урожайности более чем на 40% к середине II тысячелетия до н.э. Поставки продовольствия для растущего населения неумолимо сокращались. За несколько столетий эти противоречия уничтожили древнюю шумерскую цивилизацию. Пустыни, занимающие большую часть современного Ирака, являются памятником этой экологической глупости.

Не все древние общества пошли по пути Шумера. В течение примерно 7 000 лет после появления оседлых обществ в долине Нила (около 5 500 лет до н.э.) египтяне умели использовать ежегодные разливы Нила для поддержания сменяющих друг друга государств, от династий эпохи фараонов и Птолемеев, правителей эллинистического периода, до Мамлюкского султаната и Османской империи. Стабильность сельскохозяйственной системы Египта была обусловлена тем, что долина Нила получала естественные удобрения и орошение за счет ежегодных разливов, которые египтяне использовали с минимальным вмешательством со стороны человека. В течение десятилетий после введения британцами в XIX веке ирригации с помощью плотин для выращивания культур, например, хлопка, для европейских рынков, в долине Нила широко распространились засоление и заболачивание земель. Асуанская плотина, строительство которой было начато британцами в конце XIX века, регулировала уровень воды при разливах Нила и, таким образом, защищала урожай хлопка, но, оставляя богатый питательными веществами ил за стенами плотины, негативно повлияла на истинный секрет выдающейся непрерывной цивилизации Египта. В результате естественное плодородие долины Нила было уничтожено, а на смену ему пришло широкое применение искусственных удобрений на основе нефти, что сделало Египет еще более зависимым от глобальной капиталистической экономики.

Эта история досовременного экоцида не означает, что люди изначально стремились разрушить мир природы, от которого они зависят. Даже если способность человечества значительно изменять планету посредством массового вымирания насчитывает не два столетия, а много тысяч лет, и если отметка начала антропоцене должна быть существенно сдвинута назад во времени — только с изобретением иерархических обществ, таких как Шумерская империя, дефаунизация и разрушение среды обитания стали настолько широкомасштабными, что привели крупные экосистемы к коллапсу. История Египта предполагает, что при правильных материальных и культурных условиях люди могут достичь относительно устойчивых отношений с миром природы. Именно сочетание милитаризма, развращенной и беспомощной элиты и имперского экспансионаизма, посредством которого шумеры опустошили большую часть Плодородного полумесяца в досовременные времена, делает экоцид настолько губительным, что уничтожает сами цивилизации, которые его совершают. Крах экоцидных имперских культур должен послужить серьезным предупреждением для глобальных мировых держав современности.

Древний Рим также предоставляет неопровергимые доказательства эксплуататорского отношения к природе, которое сопутствует империям. Одна из самых ярких характеристик ранней Римской империи — это сильное стремление к экспансии. После периода политического конфликта между патрицианской элитой и плебеями (простолюдинами) в V и IV веках до н.э. большое количество римлян мигрировало в недавно завоеванные провинции. Казны подчиненных земель, таких как Македония (167 год до н.э.) и Сирия (63 год до н.э.), были разграблены — была введена постоянная система дани и налогов, которая дала возможность отменить налоги для римских граждан⁴⁶. Имперская экспансия завершилась завоеванием Египетского царства — благодаря этому Август смог раздать беспрецедентную

добычу римским плебеям. Он стал последним императором, который мог себе это позволить.

Римляне использовали свои завоевания не только для разграбления античного мира, но и для решения проблем, связанных с недостаточной продуктивностью внутреннего сельского хозяйства. Сначала Египет, затем Сицилия и, наконец, Северная Африка были превращены в житницы империи, чтобы обеспечивать римских граждан бесплатным хлебом насыщенным. Обезлесение, вызванное сельскохозяйственными предприятиями римлян, распространилось от Марокко — до холмов Галилеи — и до Сьерра-Невады в Испании⁴⁷. Как и шумеры, римляне не смогли использовать устойчивые формы сельского хозяйства, вместо этого они стремились расширить масштабы своей деятельности для выхода из экологического кризиса; засушливые районы, преобладающие сегодня на большей части Северной Африки и Сицилии, являются свидетельством их недальновидного и деструктивного отношения к миру природы.

Народ Рима оставался в подчинении у императора не только благодаря субсидированному зерну, но и благодаря хлебу и зрелищам. В последнем случае рабов, чей труд поддерживал империю, принуждали участвовать в смертельных гладиаторских боях. В этих кровавых зрелищах также участвовали дикие животные, привезенные из самых дальних уголков империи, — чтобы погибнуть в битвах с людьми и друг с другом.

Римская мозаика из Вейи (Изола-Фарнезе, Италия), изображающая африканского слона, которого погружают на корабль, III–IV века н.э. Сейчас находится в Музее земли Баден в Карлсруэ, Германия. Представлено: Кэрол Раддато.

Львы, леопарды, медведи, слоны, носороги, бегемоты и другие животные перевозились на большие расстояния, чтобы быть замученными и убитыми на публичных аренах, таких как Колизей, — и продолжалось это до тех пор, пока данные виды не исчезли даже в самых отдаленных уголках империи⁴⁸. Масштаб бойни был колossalный. Например, когда император Тит открывал Колизей, в трехмесячной серии гладиаторских игр было убито 9 000 животных. Хотя нет никаких доказательств того, что римляне довели какие-либо виды до полного исчезновения, они в разы сократили или истребили многочисленные популяции животных в регионах, окружающих Средиземное море⁴⁹. Вероятно, Римская империя была ответственна за величайшее уничтожение крупных животных со времен массового вымирания мегафауны плейстоцена⁵⁰. Как и Шумер, Рим истребил большинство крупных животных, до которых смог добраться, а большую часть завоеванных земель превратил в пустыню.

Чтобы оправдать такую резню диких животных, отношение римлян к миру природы заметно изменилось. В первые дни республики римляне считали средиземноморский ландшафт священным пространством природных божеств, таких как бог Солнца Аполлон, богиня земледелия Церера и бог пресной воды и моря Нептун. Однако по мере разрастания Римской империи эти религиозные верования по большей части превратились в пустые ритуалы, не связанные с природными процессами⁵¹. В период расцвета империи преобладали стоическая и эпикурейская философии, которые придавали легитимность распущенности римских высших классов. Распространенными стали оргии демонстративного потребления, в которых богатые ели до рвоты, после чего снова начинали есть. К тому времени, когда христианство стало официальной государственной религией Рима в конце IX века, мало что отличало римскую философию от позиции,

доминирующей в иудео-христианских писаниях, в мифологии которых сотворивший все сущее бог дарует людям абсолютное господство над миром, который он создал. Согласно «Библии» и христианской традиции, бог отдал человечество от мира природы, наделил бессмертной душой и способностью к рациональному мышлению, что оправдывало преобразование природы в погоне за личными интересами человека.

Подобное отношение к природе не могло сохраняться бесконечно. Специи и другие роскошные продукты, которые потребляла распущенная римская элита на своих банкетах, приходилось импортировать с огромными затратами из таких отдаленных мест, как Индия. Чем экзотичнее еда, тем лучше; как гласит «Апиццевский корпус», кулинарная книга для римских пиршеств, на элитных банкетах подавались, например, дрозды и другие певчие птицы, дикие кабаны, сырье устрицы и даже фламинго⁵².

Рим не мог экспорттировать достаточно товаров, чтобы оплатить импорт предметов роскоши, и ему все чаще приходилось расплачиваться дефицитным золотом и серебром. Серьезные экономические кризисы подорвали империю, вынудив императоров, правивших после Августа, прекратить привычную раздачу бесплатной еды плебеям и ввести налоги для римских граждан. Империя собирала средства, необходимые для субсидирования военных кампаний, в основном с крестьян, вследствие чего они больше не могли вкладываться в производство урожая и все больше влезали в долги⁵³.

Деградация окружающей среды усиливалась, и империя оказалась неспособна производить излишки продовольствия, от которых зависело ее воспроизводство. В конце концов, Рим больше не мог оплачивать свою многочисленную и географически раскиданную постоянную армию, и после 500 лет турбулентного существования чрезмерно разросшаяся империя пала перед вторгшимися ордами варваров с севера. Сегодня

Рим помнят, главным образом, за разрушительные для окружающей среды достижения, такие как Колизей, что свидетельствует о том, что последующие культуры извлекли очень мало уроков из неустойчивого господства и окончательного упадка империи.

Римская мозаика, изображающая изобилие рыбы, птицы, фруктов и овощей, употреблявшихся в пищу на пирах.

3. КАПИТАЛИЗМ И ВЫМИРАНИЕ

Долой нагрудник, вышитый атлас,
Зашитника от любопытных глаз.
Корсаж отбросьте прочь; курантов звон
Торопит нас: у ночи свой закон...
Дай разрешенье трепетным рукам
Скользнуть к груди, меж бедер и к ногам.
Моя Америка, мой Новый Свет!
Ты мой; других тут поселенцев нет.
Здесь изумруды, золото, алмаз,
Все, что находят руки, вкус и глаз.
Я ослеплен богатством и готов
Стать вольным пленником твоих оков.

— Джон Донн, «*Его любовнице:
ложась в постель*» (1654)

Перевод Марины Тарлинской

В одном из своих первых рассказов о путешествиях в Новый Свет Христофор Колумб описывает остров, который он назвал Эспаньолой, как райскую землю: «цепи горные и кручи, и долины, и земли тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек»⁵⁴. Жадность и жажда власти стекают с пера Колумба, когда он описывает чудесную страну с обильными гаванями и множеством рек, «большая часть которых несет золото», населенную наивно бескорыстными жителями, которые «с такой щедростью отдавали все им принадлежащее, что, кто этого не видел сам, вряд ли тому поверит».

Для Колумба было не менее примечательно и биологическое разнообразие этого нового мира, поскольку, как он отмечает, острова «все заросли деревьями бесчисленных пород и такой высоты, что кажется, будто они достигают неба», деревьями, на которых «пел соловей и другие птицы разнообразнейших видов»⁵⁵. Захватывающее дух описание Колумбом материальных богатств, которые можно найти в Новом Свете, задало тон европейской империалистической экспансии в последующие пять столетий. Как свидетельствует сонет Джона Донна, жажда этой воображаемой природной щедрости была настолько сильной, что пронизывала все аспекты европейской жизни, проникая даже в эrotические фантазии таких поэтов, как Донн. Флора и фауна недавно «открытых» земель, по-видимому, казались европейцам безграничным кладезем природных богатств, которые можно свободно брать. Сегодня мы сталкиваемся с пагубным наследием этого безответственного присвоения и растраты всеобщего природного достояния.

Европейское представление о высадке Колумба в Новом Свете, где наивные коренные жители в знак приветствия вручают ему свои со-кровища.

Иными словами, если на протяжении всей нашей истории люди совершали экоцид, то только с европейской экспанссией и развитием современного капитализма экоцид приобрел поистине глобальные масштабы и пожирающую планету разрушительность. По мере того, как европейцы подчиняли и колонизировали «девственные» земли, они значительно ускорили деградацию и вымирание окружающей среды. Расширение капиталистических общественных отношений посредством европейского колониализма и империализма вывело региональные экологические катастрофы на планетарный уровень. Кроме того, превратив природу в товар, который можно покупать и продавать, капиталистическое общество превратило отношения человечества с природой в интенсивную экологическую эксплуатацию, невообразимую в предыдущие

эпохи. С точки зрения негуманного отношения к людям и жестокого уничтожения природы капитализм не обязательно более безнравственный, чем предыдущие общественные системы. Однако капитализм как способ производства и общественная система *нуждается* в том, чтобы люди разрушали окружающую среду. Можно выделить три разрушительных аспекта капитализма как системы в связи с кризисом вымирания:

- 1) капитализм склонен ухудшать условия своего собственного производства;
- 2) капитализм должен непрерывно расширяться, чтобы поддерживать свое существование;
- 3) капитализм порождает хаотичную общемировую систему, которая, в свою очередь, усиливает кризис вымирания⁵⁶.

Вырывая отдельные элементы из сложных взаимосвязанных экосистем и превращая их в товары, капитал безжалостно расщепляет сложный мир природы на обедненные, но пригодные для обмена, формы, одновременно отбрасывая все то, что, как представляется, не имеет непосредственной меновой стоимости. Кроме того, как утверждал Маркс в «Экономических рукописях 1857–1859 годов», «капитал есть безграничное и безмерное стремление выходить за свои пределы»⁵⁷. Этот аргумент вполне понятен на интуитивном уровне: любая корпорация, которая не может превзойти своих конкурентов, будет в кратчайшие сроки вытеснена из бизнеса. Наконец, как показывает эпоха глобализации, капитализм создает турбулентный мир, в котором «все твердое растворяется в воздухе»⁵⁸ поскольку устоявшимся режимы управления и все другие социальные формы уничтожаются ураганом «созидательного разрушения». Хотя многие эксперты ранее подчеркивали такую динамику капитализма, со всей ясностью она

⁵⁶ Из «Манифеста коммунистической партии» (1848) Маркса и Энгельса “all that is solid melts into air”, в русскоязычном переводе «Манифеста...»: «все сословное и застойное исчезает». — Прим. пер.

проявляется сквозь призму вымирания. Эти три ключевых экологических противоречия капитализма взаимосвязаны, но особая динамика каждого из них более различима, если рассматривать их по отдельности, как в последующих разделах. Упомянутые в книге примеры охватывают капиталистическую эпоху от первых лет торгового капитализма до современных форм неолиберальной глобализации. Эти примеры свидетельствуют о том, что экологические противоречия присущи капиталу, но также они подчеркивают безжалостное усиление смертоносного господства капитала.

КАПИТАЛИЗМ И ДЕГРАДАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Тенденция капитализма к ухудшению условий собственного производства с пугающей очевидностью проявляет себя в торговле пушниной, одной из основных движущих сил европейской экспансии после 1500 года. Меховая одежда не только согревала своих владельцев — в Европе Раннего Нового времени она была показателем общественного положения. Право на ношение меха строго контролировалось законами о роскоши, согласно которым роскошную одежду разрешалось носить только людям определенного социального положения. Тем не менее, по мере усиления торговой буржуазии спрос на меха постепенно повышенлся. Западная Европа быстро уничтожила большинство местных пушных млекопитающих, а Россия начала длительную экспансию на восток, в Сибирь, где собирала меха в виде дани с завоеванных народов, например, с татар. К XVI веку пушнина стала крупнейшим источником дохода российского государства. За два столетия сибирские бобры, соболи и куницы оказались на грани вымирания⁵⁸. Впоследствии ненасытный спрос на мех стал одним из основных катализаторов европейской колонизации Америки. Действительно,

французские, голландские и английские компании, созданные для содействия европейской колонизации Северной Америки, быстро поняли, что для колонистов пушнина является одним из самых удобных товаров для перепродажи в Европу. Многие европейские торговцы нажили себе состояния, выменявая у коренных американцев ценные бобровые, оленьи, горностаевые и другие шкуры на обычные и относительно дешевые промышленные изделия, такие как железные топоры.

Европейские торговцы выменивают мех у коренных американцев.

Со временем племена коренных американцев, вовлеченные в торговлю мехом, отказались от своего жизненного уклада и интегрировались в формирующуюся мировую капиталистическую систему в качестве специализированных рабочих, занятых пушным промыслом для европейских торговцев⁵⁹.

Помимо преобразования культуры коренных народов, торговля мехом вызвала кровавые конфликты между различными племенами, в том числе так называемые «Бобровые войны» середины XVII века, в кото-

рых Конфедерация ирокезов, поддерживаемая голландцами и англичанами, сражалась с преимущественно говорящими на алgonкинских языках племенами района Великих озер, союзниками которых были французы. По мере сокращения популяций бобров из-за чрезмерной охоты, например, в долине Гудзона, такие племена, как мохоки, вступили в столкновения со своими соседями на севере и западе, где пушные звери еще не были на грани вымирания. Влияние этих войн до сих пор в значительной степени неизвестно, поскольку они происходили за пределами европейской колонизации, но они, несомненно, ослабили северо-восточные племена коренных американцев, сделав их более уязвимыми для последующей экспроприации и истребления со стороны колониальных поселенцев. Кроме того, такая межимперская конкуренция между французами и англичанами привела к повышению цен на шкуры, что послужило для европейских звероловов и коренных американцев дополнительным стимулом к чрезмерной добыче меха. Торговля пушниной продолжалась до окончания американской революции, благодаря чему Джон Джейкоб Астор, владелец монополистической Американской меховой компании, стал первым мультимиллионером в США. Астор, сыграв заметную роль в истреблении пушных зверей на континенте, в начале XIX века отказался от торговли ради спекуляции недвижимостью. Хотя бобры не вымерли, их численность сократилась настолько, что коммерческая охота стала невозможной, хотя не прошло и двухсот лет с того момента, как король Франции Генрих IV пожаловал первую хартию европейской компании по торговле мехом в Северной Америке.

По мере того как Европа покоряла другие части планеты, она существенно изменяла, а в большинстве случаев радикально сокращала биоразнообразие. В некоторых случаях это делалось непреднамеренно. Европейская экспансия в Америку обернулась огромным притоком новой биоты на континент: от вирусов оспы

и гриппа до свиней и лошадей⁶⁰. Путешествуя вместе с европейскими завоевателями, эти инвазивные виды принесли опустошение и разрушение, убив многие миллионы коренных американцев, которые не имели иммунитета к новым для них микробам, и всецело изменили ландшафт Нового света. Однако во многих случаях европейцы сознательно уничтожали биоразнообразие, преследуя свои корыстные цели. Примером такой деятельности является плантационная система. Значительные изменения коснулись безмерного видового разнообразия на тропических и субтропических территориях, колонизированных португальцами и испанцами — они первыми ввели плантационную экономику, в которой земля на каждой плантации отводилась под выращивание одной культуры, например, сахарного тростника. По мере завоевания территорий и присоединения их к европейским державам — и зарождающейся капиталистической системе — полностью были уничтожены методы ведения сельского хозяйства коренных народов, адаптированные к местному климату (и, следовательно, крайне разнообразные и устойчивые). Их заменили товарные культуры, которые экспорттировались в имперскую метрополию. Местные коренные народы были переселены, а для обработки земли колонисты завозили рабов, что породило беспрецедентно жестокую систему эксплуатации, основанную на вымышленных представлениях о расовых различиях. В дополнение к насильственному переселению, результатом которой стала гибель многих миллионов людей, монокультуры плантационной экономики быстро истощили земли в колониях, разрушив плодородие почв и повысив их уязвимость к вредителям.

К концу XVIII века владельцы плантаций на Карибских островах начали беспокоиться об ухудшении состояния окружающей среды и изменении климата, которое в то время было известно как засуха⁶¹. В результате вырубки лесов под плантации на некоторых остро-

вах перестали выпадать дожди. Растиущая озабоченность деградацией природы привела к созданию первого закона об охране природы, который выделил леса в отдельные неприкосновенные территории, впоследствии ставшие системой национальных парков⁶². По мере того, как владельцы плантаций истощали земли, нарастало межимперское соперничество: европейские колониальные державы боролись за захват островов, плодородие которых еще не было истощено. Отмену рабства в Британской империи в 1833 году фактически можно рассматривать как реакцию на снижение производительности ееカリбских плантаций, а не как акт бескорыстного гуманизма⁶³. Однако, несмотря на все большее осознание разрушительных социальных и экологических последствий плантационной системы, европейские державы продолжали создавать плантации по всему миру: даже в XX веке в Азии и Африке появлялись крупные производства чая, риса и каучука. Зеленая революция второй половины XX века продолжила тенденцию к вытеснению мелких крестьян крупными ориентированными на экспорт сельскохозяйственными землевладениями, которые использовали удобрения и пестициды на основе ископаемых углеводородов, чтобы справиться с возникающими экологическими стрессами и противоречиями⁶⁴.

По мере того как европейцы колонизировали другие части света, они приносили с собой культурные представления, которые легитимировали их завоевания. Эта идеология доминирования, призванная оправдать экспроприацию европейцами коренных народов и их земель, также определяла эксплуататорское отношение к флоре и фауне в колониях. Английский философ Джон Локк, например, утверждал, что бог хотел, чтобы земля принадлежала «прилежным и рассудительным». Эти качества позволили европейцам «улучшить» землю посредством своего труда и возделывания, — именно это, утверждал Локк, вывело землю из ее

первоначального общинного состояния и сделало собственностью европейцев. Как заметил Локк: «Тот, кто, повинуясь этой заповеди бога, покорял, вспахивал и засевал какую-либо часть [земли], тем самым присоединял к ней то, что было его собственностью, на которую другой не имел права...»⁶⁵. Другими словами, поскольку коренные жители не использовали землю должным образом, она на самом деле им не принадлежала, и они могли быть лишены ее без каких-либо препятствий. Рассуждения Локка неслучайны, ведь он сам владел плантациями в английских колониях в Ирландии и Вирджинии⁶⁶.

Хотя часть «улучшений», которые рассматривал Локк, должна была пройти в форме приватизации, известной как *огораживание*, такое развитие также происходило с помощью современной науки. В соответствии с концепцией Фрэнсиса Бэкона и его последователей в XVII веке, научный метод предполагал вмешательство в естественный мир, представляемый в виде женского тела, тела, которое нужно было «скрутить на дыбе» и «пытать огнем», пока оно не раскроет свои тайны⁶⁷. Во многих отношениях Бэкон и его приверженцы просто продолжали иудео-христианскую традицию; в конце концов, в *«Книге Бытия»* именно Адаму бог позволяет давать имена не только животным, но и Еве, тем самым устанавливая господство Адама над миром природы. Но представление Бэкона о насильственном подчинении феминизированной природы также отражает процессы подчинения, происходившие в то время: насильственные акты огораживания, в ходе которых женщин обвиняли в ведьмовстве и нередко сжигали на кострах, а также лишали их контроля над своими продуктивными силами⁶⁸.

В Европе сжигание женщин на кострах было частью кампании по огораживанию общинных земель, которое способствовало становлению капитализма.

Этот процесс подчинения в равной степени отражает и жестокие меры, посредством которых европейских крестьян гоняли с некогда общинных земель, и беспредельную порочность колониализма и расового рабства, процессы экспроприации, которые, как выразился Маркс, «вписаны в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»^{IV}. Как следует из описания научной инквизиции Бэкона, научный метод сделал этот террор одной из своих центральных метафор, породив модель патриархального господства над пассивной феминизированной природой, и эта модель создала условия для последующих представлений о прогрессе как о доминировании над природой. Вера в объективность и беспристрастность научного метода завуалировали потенциально экоцидный, патриархальный и расистский характер технических наук, пока в конце

^{IV} Цит. по К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 727. — Прим. пер.

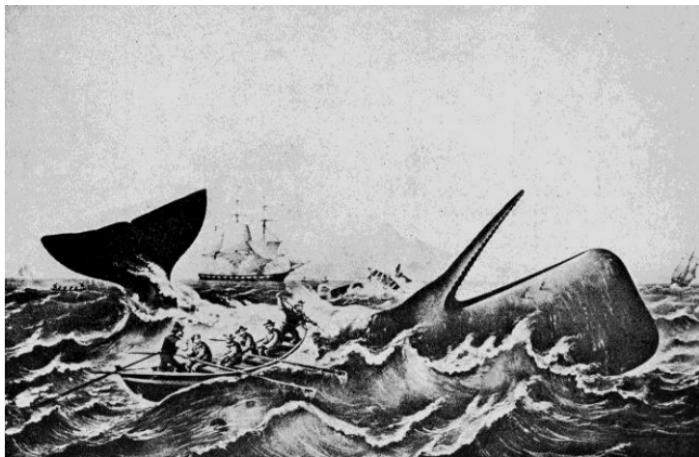
XX века не возникли социальные движения, которые подвергли критической оценке роль науки в легитимации колониализма, лишении женщин контроля над их телами, а также в создании смертоносных химических веществ, таких как ДДТ⁶⁹.

НЕПРЕРЫВНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАПИТАЛИЗМА

Капитализм зависит от условий производства, которые он неустанно разрушает. Бездумно потребляя окружающую среду, капитал, образно говоря, пилит сук, на котором сидит. Но он делает это потому, что должен: эта система зависит от непрерывного накопления. Если капиталисты хотят выжить в условиях конкуренции, они должны постоянно реинвестировать накопленную прибыль, заставляя капитал расти по сложной ставке⁷⁰. Каждый предел роста капитала выглядит как препятствие, которое он стремится преодолеть и превратить в новый цикл накопления. Но мы живем на планете, которая самоочевидно имеет пределы. Следовательно, логика капитала подобна логике раковой клетке, бесконтрольно растущей до тех пор, пока не разрушит тело, в котором находится.

Китобойный промысел, пожалуй, лучший пример этого всепоглощающего стремления к увеличению накоплений. Из всех видов животных киты подвергались наиболее продолжительному и жестокому нападению со стороны человека⁷¹. До становления капитализма на китов в экологически устойчивых объемах охотились коренные народы, например, инуиты в Арктике, и прибрежные общины, такие как баски, которые перехватывали огромных, но робких гренландских и южных китов во время их ежегодной миграции через Бискайский залив⁷². Инуиты и баски убивали китов в относительно ограниченном количестве. Но с началом промышленной революции из китов стали произ-

водить ценные товары, в том числе жир, использовавшийся для машин на фабриках того периода и для заправки осветительных ламп.

Европейский китобойный промысел распространил индустриализированный метод забоя животных в самые отдаленные уголки земного шара.

Как следствие, растущие рынки раннего современного капитализма истощили поголовья прибрежных китов, и к концу XVII века китобои были вынуждены выходить в поисках добычи в открытый океан⁷³. Морские державы того времени, такие как Голландия, сформулировали принцип свободы открытого моря для своих китобойных флотилий, открыв богатые рыбные ресурсы Северной Атлантики для коммерческого китобойного промысла⁷⁴.

Европейцы и их североамериканские конкуренты не приняли каких-либо мер для сохранения поголовья китов. Вместо этого китобои вели себя так, как будто их добыча неисчерпаема. Конкуренция привела к усложнению методов забоя, от быстроходных парусных судов конца XVIII века, которые за несколько десятилетий почти полностью истребили китов, до изобретения в середине XIX века взрывной гарпунной пушки и огромных

плавучих рыбозаводов на паровой тяге, которые позволили китобоям охотиться на более быстрых финвалов и кашалотов в огромных количествах⁷⁵. Хотя очевидно, что отрасль была заинтересована в ограничении ускоряющегося хищнического истребления, конкурентная динамика промышленного капитализма делала подобные формы сохранения невозможными. Вместо этого, чтобы оправдать свое крайне недальновидное разграбление океанов, китобои предложили надуманные аргументы. Например, в романе «Моби Дик» Германа Мелвилла главный герой Измаил размышляет об исчезновении китов в главе «Уменьшаются ли размеры кита? Должен ли он исчезнуть с лица земли?». Хотя он признает, что когда-то в океане найти китов было намного легче, он связывает это с тем, что киты теперь путешествуют более крупными группами и перебрались ближе к полюсам, дабы спастись от китобоев. Как следует из мучительных рассуждений Измаила, популяцию китов необходимо было представить безграничной, чтобы оправдать неустойчивую конкуренцию в отрасли. К началу XX века люди опустошили Мировой океан настолько, что коммерческий китобойный промысел перестал быть крупной жизнеспособной отраслью⁷⁶.

Уничтожение китов и крах китобойного промысла также иллюстрируют безрассудство экономических доктрин, которые переросли в легитимный капитализм. Наиболее ясно эти доктрины выражает книга Адама Смита «Богатство народов» (1776). Смит считал, что корыстная конкуренция на свободном рынке принесет пользу всем, удерживая цены на низком уровне и создавая стимулы для производства различных товаров и услуг. Как выразился Смит, «преследуя свои собственные интересы, [человек] часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁷⁷. Частные пороки якобы превращались в общественные добродетели в результате действия «невидимой руки» рынка,

как назвал это Смит. Как и многие его современники, Смит верил в неотвратимость прогресса, который, как он предполагал, связан с производством большего материального богатства. Тем не менее, «невидимая рука» Смита полностью игнорировала проблему истощения и даже исчезновения таких природных «ресурсов», как пушные звери и киты. Фактически, классическая экономика демонстрирует беспечное невежество в отношении последствий того, что природные ресурсы превращаются в капитал, сосредотачиваясь только на вторичной проблеме распределения этих ресурсов между различными конкурирующими сторонами⁷⁸. Но ресурсы планеты не просто скучны. Они конечны. Как и китобойная индустрия, классическая экономика неизменно слепа к этой конечности и, следовательно, поощряет производителей и потребителей как можно быстрее использовать ресурсы в погоне за большей прибылью и ростом. Сформулированный Адамом Смитом и господствующий по сей день экономический мейнстрим превозносит эгоизм, ненасытность, соперничество и недальновидность — ценности, которые когда-то считались смертными грехами, — и между делом представляет интеллектуальное обоснование катастрофическому разграблению планеты капитализмом.

ХАОТИЧНЫЙ МИР КАПИТАЛИЗМА

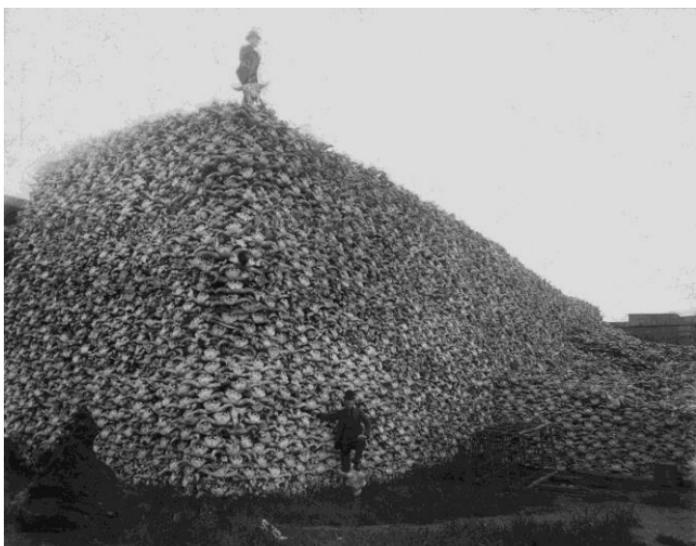
Если капитализм основан на иллюзорной надежде на то, что таинственная «невидимая рука» примирит беспощадную корыстную конкуренцию с общим благом, то современное капиталистическое общество соответствующим образом организовано вокруг антагонистических национальных государств, чьи конкурирующие интересы, как напрасно ожидается, будут согласованы на различных международных форумах. Тем не менее, переживающая периодические кризисы перенакопления, которые являются структурной особенностью ка-

питализма, буржуазия вынуждена искать рынки за рубежом. Поскольку их конкуренты из других стран также вынуждены преодолевать общесистемные кризисы посредством аналогичной экспансиионистской политики, в результате усиливается противостояние между империалистическими державами и локальные военные конфликты⁷⁹. Таким образом, капитализм порождает хаотичную мировую систему, которая усугубляет экологические кризисы.

В некоторых случаях экоцид — это осознанная стратегия империализма, порождающая то, что можно было бы назвать экологической войной. Например, уничтожение огромных стад бизонов, бродивших по Великим равнинам Северной Америки, было продуманной военной стратегией по лишению коренных американцев природных ресурсов, от которых они зависели⁸⁰. На момент прибытия первых европейцев на равнинах Нового Света обитали десятки миллионов бизонов, которые обеспечивали коренные народы ресурсами, позволявшими им поддерживать свой автономный кочевой образ жизни. Коммерческая охота на бизонов началась в 1830-х годах, и вскоре добыча составляла 2 млн голов в год⁸¹.

К 1891 году на континенте осталось менее 1 000 бизонов, а коренные американцы потерпели военное поражение и были вынуждены переселиться на территории нескольких изолированных друг от друга резерваций с бесплодными землями. Во время холодной войны многие из этих резерваций, как, например, в Неваде, были превращены в «зоны национального жертвоприношения», где испытывалось ядерное оружие с целью усовершенствования военного арсенала США⁸². Подобное экологическое насилие совершалось военными США и в других частях планеты. Например, во время войны во Вьетнаме около 75 млн литров пестицидов были распылены на тропические леса с целью разрушить экологический базис революционных вьетнамских сил. Эта жестокая кампания экологической

войны в конечном итоге вызвала возмущение среди американских ученых, которые были против того, что они назвали систематическим экоцидом, проводимым военными во Вьетнаме⁸³. Несмотря на эту историю сопротивления войне, американские вооруженные силы, имеющие более 700 баз по всему миру, остаются самой загрязняющей окружающую среду организацией на планете⁸⁴.

Европейские поселенцы с гордостью демонстрируют черепа убитых бизонов, массовая резня которых была ключевым элементом кампании против коренных американцев.

Однако во многих случаях животные и растения просто страдают как побочные жертвы империалистического соперничества, порожденного капитализмом. В системе конкурирующих капиталистических стран ни одно отдельное государство не обладает достаточной властью и не берет на себя ответственность противодействовать экологической деградации. Более того, конкуренция принуждает отдельные государства уклоняться

от ответственности, при этом обвиняя своих конкурентов в неспособности справиться с экологическим кризисом. Это неизбежное противоречие капиталистического общества стало очевидным в ходе раундов переговоров по климату, проводившихся под эгидой ООН в течение последних 20 лет. В ходе этих переговоров промышленно развитые страны, такие как США и Великобритания, отказались значительно сократить выбросы парниковых газов, пока развивающиеся страны, такие как Китай, Индия и Бразилия, также не предложат сократить свои выбросы. Промышленно развивающиеся страны в ответ на это указывают, что их выбросы на душу населения все еще намного ниже, чем у богатых стран Европы и Северной Америки, и утверждают, что эти страны извлекли выгоду из двухсотлетнего промышленного роста, фактически колонизировав атмосферу в ущерб ранее колонизированным народам. Вследствие таких антагонистических позиций не было достигнуто ни одного обязательного международного соглашения о сокращении выбросов, несмотря на годы отчаянных призывов ученых и гражданского общества. Дело не только в том, что климатический кризис и вымирание пришли на исключительно неблагоприятный момент, когда господствуют неолиберальные доктрины финансового deregулирования, корпоративной власти и ослабленного государственного контроля⁸⁵. Напротив, зашедшие в тупик переговоры по климату являются отражением фундаментально иррациональной, хаотичной, охваченной насилием, экоцидной мировой системы, порожденной капитализмом.

Способно ли капиталистическое общество реформировать себя настолько, чтобы справиться с кризисом вымирания? Это очень маловероятно. В долгосрочной перспективе это просто невозможно. Хотя с конца 1960-х годов экологическому движению действительно удалось подтолкнуть государства и корпорации к устранению некоторых локальных кризисов, изменение климата и вымирание свидетельствуют о том, что в более

долгосрочной перспективе капиталистическая система разрушает свои экологические основы. Напомним, что решение капитала для периодических системных кризисов заключается в запуске нового цикла накопления. По сути, капитал пытается вырасти из своих проблем. Но, как мы видели, кризис вымирания — это как раз продукт неконтролируемого слепого роста. В таком контексте усилия по охране окружающей среды не более чем маленький пластырь на все глубже разверзающейся ране. Какими бы похвальными ни были эти усилия, они по большей части не в состоянии устраниТЬ глубокое неравенство, порождаемое капитализмом, которое подталкивает бедных к вырубке лесов и другим формам чрезмерной эксплуатации. Многие из ныне существующих крупных природоохранных организаций были созданы во второй половине XX века: *The Nature Conservancy* (1951), *World Wildlife Fund* (1961), *Natural Resources Defense Council* (1970) и *Conservation International* (1987). Однако в этот же период планету охватил новый цикл накопления, основанный на неолиберальных принципах безудержного гиперкапитализма. В эпоху неолиберализма большая часть глобального Юга оказалась в растущей долговой зависимости, и ведущие международные организации, такие как Всемирный банк, заставляли страны-должники вырубать больше деревьев, добывать больше нефти и полезных ископаемых и в целом истощать свои природные ресурсы гораздо более высокими темпами. Результатом стало резкое ухудшение состояния глобальных экосистем, в том числе значительное увеличение темпов вымирания⁸⁶.

Несмотря на этот ужасающий своими масштабами коллапс глобальных экосистем, климатический кризис вызвал новый цикл накопления, скрытый за оптимистичными речами об инвестиционных возможностях, которые открывает «зеленая» экономика. Неолиберальные решения климатического кризиса, такие как добровольная компенсация выбросов углерода, не только не способствуют сокращению выбросов углерода, но

также значительно увеличивают огораживание и разрушение всеобщего природного достояния⁸⁷. Такие программы позволяют загрязняющим отраслям в богатых странах продолжать углеродные выбросы, в то же время превращая леса и сельскохозяйственные угодья коренных народов и крестьян глобального Юга в «стоки» углекислого газа или «банки» биоразнообразия. В рамках зеленой экономики огромное количество людей, растений и животных приносится в жертву в качестве побочного ущерба в экоцидной эксплуатации планеты. Очевидно, что капитализм не может разрешить экологические кризисы, которые он сам вызывает.

4. АНТИВЫМИРАНИЕ

В конце концов, живой организм был готовой производственной системой, которая, как и компьютер, управлялась программой: его геномом. Синтетическая биология и синтетическая геномика, крупномасштабная переработка генома, — все это были попытки извлечь выгоду из того факта, что биологические организмы — это программируемые производственные системы, и что, внося небольшие изменения в их генетическое программное обеспечение, биоинженер может добиться больших изменений в их продуктивности.

— Джордж Чёрч и Эд Реджис, «Регенезис» (2012)

В сентябре 2014 года исполнилось 40 лет Закону США о дикой природе, который защищает миллионы акров государственных земель, а также дает четкое определение дикой природы: «область, где земля и ее сообщество живых организмов неподконтрольны человеку, где человек — только гость и постоянно не пребывает там». Вместе с тем к этой годовщине *World Wildlife Fund* опубликовал доклад «Живая планета», в котором содержалась шокирующая новость о том, что количество диких животных на Земле за последние 40 лет сократилось вдвое⁸⁸. Очевидно, что стратегия выделения сокращающихся островков дикой природы в качестве «неподконтрольных» заповедников, — центральный подход к сохранению дикой природы, — терпит неудачу. Массовая волна дефаунизации, захлестнувшая планету за последние полвека, бросает вызов самой идее нетронутой природы. Не существует безопасного убежища от антропогенного вымирания. Действительно, оставшаяся дикая природа настолько деградировала, что мы страдаем от явления, которое Джеймс Бернард Маккиннон называет *слепотой к изменениям*: по мере деградации оставшейся на планете дикой природы каждое новое поколение людей имеет все более обедненное представление о природном биоразнообразии, так что сам человеческий опыт подвергается форме вымирания⁸⁹. Можем ли мы представить, какие средства способны обратить вспять это природное и когнитивное обнищание? Способен ли призрак конца видообразования стимулировать новую *экологию восстановления*? И если да, то какую пустыню следует оживить?

По мнению сторонников *ревайлдинга*, если люди являются главными виновниками вымирания, то они также могут стать и творцами новой дикой природы. Концепция ревайлдинга, представленная в конце 1990-х биологами Майклом Соуле и Ридом Носсом, признает кризис в сфере охраны природы, вызванный значительной дефаунизацией. Эта концепция была основана

на радикальной в то время идее о том, что крупные, широко распространенные и, как правило, хищные животные играют ключевую роль в сохранении разнообразия и устойчивости экосистем. В большинстве случаев эти ключевые виды, ранее рассматриваемые людьми как прямая угроза, были вытеснены из своих мест обитания или поставлены на грань вымирания. Ревайлдинг подразумевает восстановление огромных участков дикой природы путем создания больших, связанных между собой основных охраняемых территорий и реинтродукции ключевых видов в эту новую дикую природу. По мнению сторонников ревайлдинга, он не заменит традиционные природоохранные меры, направленные на защиту местных видов в конкретных биорегионах, но дополнит эти усилия, стремясь восстановить уровень биоразнообразия, который был уничтожен в этих местах за последние столетия.

В Йеллоустонский национальный парк реинтродуцированы дикие волки. Предоставлено: Steve Jurvetson via Wikimedia Commons

Идея ревайлдинга получила значительное развитие в результате успешной реинтродукции волков в Йеллоустонском национальном парке. Европейские

поселенцы, колонизировавшие регион в XIX веке, видели в волке вредного хищника, который уничтожал такие «более желанные» виды, как лось и олень; к середине 1900-х годов волки были почти полностью истреблены в 48 континентальных штатах США. Однако в 1960-х годах Служба национальных парков отошла от антропоцентричной политики, согласно которой Йеллоустон рассматривался как тщательно контролируемый заповедник. Отныне дикая природа парка была предоставлена самой себе. В ответ на это изменение биологи заявили, что в Йеллоустоне необходимо вернуть волков, чтобы экосистема парка вернулась в свое «естественное» состояние или, по крайней мере, в состояние до прибытия европейских поселенцев, которые привезли с собой скот и начали истреблять хищников. Идея выпустить стаи волков в Йеллоустоне вызвала протесты общественности, однако программа реинтродукции, начатая в середине 1990-х годов, увенчалась значительным успехом. В Йеллоустоне основной добычей серых волков были лоси, затем волки начали больше охотиться на бизонов, оставляя туши, которые стали пищей для многих других животных, включая медведей гризли и пум, что увеличило численность этих видов. Волки вытеснили стада лосей из низин, это привело к значительному восстановлению леса. В результате в парк вернулось рекордное количество птиц. Популяции рыб также увеличились, поскольку сокращение выпаса лосей привело к увеличению растительности на берегах рек. Таким образом, волки ответственны за *трофические каскады* — цепочки благоприятных эффектов, возникающих, когда высшие хищники экосистемы влияют на численность не только своей непосредственной добычи, но и видов, с которыми они не имеют прямой связи⁹⁰. Реинтродукция хищников и крупных травоядных животных в такие места, как Йеллоустон, вызывает изменения, которые каскадом спускаются по звеньям экосистемы, трансформируя даже состав

почвы и атмосферу региона. Заметно увеличив биоразнообразие Йеллоустонского парка, волки укрепили надежды ревайлдеров.

Своим сторонникам, таким как Джордж Монбио, ревайлдинг видится как возрождение — не только диких экосистем, но и самой надежды человечества на окружающую среду. Можно больше не думать, что мы просто стремимся сохранить все более скучдающий мир природы, как это делает традиционная природоохранная биология, утверждает Монбио. Экологические изменения не обязательно должны продолжаться по безжалостно нисходящей спирали к концу видеообразования. По словам Монбио, обращая вспять разрушительные процессы, ревайлдинг дает надежду, что на смену нашей безмолвной весне может прийти шумное лето⁹¹. Хотя верно, что однажды вымерший вид исчез навсегда, сами экосистемы могут быть восстановлены за счет реинтродукции мегафауны. Таким образом, ревайлдинг предполагает, что мы можем повернуть вспять течение экологического времени. Он предлагает возможное восстановление утраченного времени окружающей среды. Этот временной сдвиг также предвещает возрождение человеческой дикости, поскольку наши представления о том, какой должна быть природа, изменятся благодаря реинтродукции вытесненных или вымерших ключевых видов, таких как волк.

Ревайлдинг также обещает преобразовать экологическое пространство. Ожидая катастрофических последствий изменения климата, биологи предложили радикально новые доктрины со зловещими названиями: *вспомогательная колонизация* и *экологическое замещение*. Поскольку в результате изменения климата меняется и среда обитания, фиксированные территориальные границы существующих парков и заповедников могут привести к тому, что виды животных и растений застрянут в районах, которые становятся все менее пригодными для них. В этом отношении темп перемен просто шокирует: некоторые растения буквально

взбираются на горы со скоростью нескольких метров в год, чтобы адаптироваться к переменам в среде обитания, вызванным изменением климата⁹². В таких условиях опасения по поводу негативного воздействия инвазивных видов должны быть смягчены необходимостью поддерживать целые экосистемы, находящиеся под угрозой уничтожения⁹³. Вспомогательная колонизация в ответ на изменение мест обитания предлагает перемещать исчезающие виды в новые экологически подходящие заповедники⁹⁴. Экологическое замещение, наоборот, предполагает введение соответствующих замещающих видов для восстановления экологической роли, которая была утрачена в результате вымирания изначальных местных видов. В ответ на растущую нестабильность местообитаний, которая, вероятно, проявится в самом ближайшем будущем из-за антропогенного изменения климата, такие формы ревайлдинга, как вспомогательная колонизация и экологическое замещение, также бросают вызов тому, что Роб Никсон называет эко-парохиализмом^V природоохраны. Слишком часто, предполагает Никсон, охрана окружающей среды опирается на строгие герметичные определения экосистем и недооценивает легкопроницаемые границы биорегионов, игнорируя пространственные сети и обмены, которые всегда связывали различные природные пространства⁹⁵. Бросая вызов такой изначально исключающей идеологии экологического пространства, ревайлдинг предлагает важную альтернативу потенциально ксенофобным географическим основам энвайронментализма.

^V Парохиализм — это состояние сознания, в котором внимание человека сфокусировано на узких аспектах вопроса и игнорирует более широкий контекст. — Прим. пер.

Шерстистый мамонт, самый харизматичный представитель мегафуны и фетиши в планах по воссозданию вымерших видов. Предоставлено: Tracy O. via Wikimedia Commons

Сколько потерянного экологического времени предлагает наверстать ревайлдинг? Реинтродукция волков в Йеллоустон возвращает парк в период, предшествовавший европейскому колониализму. Однако многие ревайлдеры не желают останавливаться на достигнутом. Радикальные защитники природы начали выступать за восстановление плейстоценовой мегафуны. Они утверждают, что ревайлдинг крупных видов позвоночных, уничтоженных по мере распространения *Homo sapiens* по всему миру, вернет экосистемы в состояние равновесия, существовавшее до прихода человека.

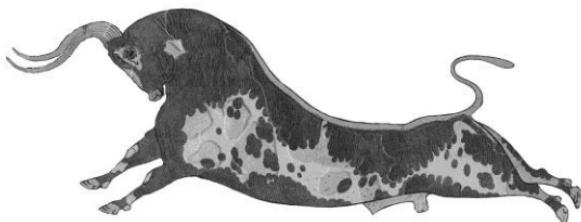
Вымершая мегафауна, предположительно, играла важную роль в поддержании экосистем за счет обгладывания побегов, распространения семян и хищничества. Их исчезновение радикальным образом обеднило окружающую среду и нарушило природное равновесие. Ревайлдеры оспаривают центральную идею охраны дикой природы в США о том, что природа Америки, с которой столкнулись европейцы, была перво-

зданной. Для плейстоценовых ревайлдеров естественным является не доевропейское, а дочеловеческое состояние. Плейстоценовые ревайлдеры разоблачают мифическое представление о дикой природе, которое определяет природоохранные усилия в США и других странах, но только для того, чтобы отодвинуть свое представление об утопии дикой природы дальше в прошлое. Если для создания таких священных национальных пространств дикой природы, как Йеллоустон и Йосемити, необходимо было изгнать с этой земли коренных американцев, то современное движение за восстановление предлагает еще более романтическую конструкцию очищенной — и безлюдной — дикой природы⁹⁶.

Пока что наиболее конкретным воплощением этой идеи является «Плейстоценовый парк» русского ученого Сергея Зимова, созданный в 1989 году на отдаленных пустошах Сибири. Зимов заселил огромный парк крупными, чрезвычайно холодостойкими травоядными, такими как якутские лошади, северные олени, лоси и овцебыки, а также плотоядными животными, такими как лисы, медведи и волки. Он утверждает, что эти животные помогут вернуть регион из нынешнего, относительно бесплодного состояния тундры в то, что он называет «мамонтовой экосистемой» — в травянистую среду, которая предшествовала голоценовому вымиранию⁹⁷. Восстановление этой экосистемы обещает не только возродить утраченное биоразнообразие, но, как предполагает Зимов, поможет также смягчить изменение климата, предотвратив массовый выброс углерода из тающей вечной мерзлоты Сибири. Соответствующее движение за восстановление плейстоценовой мегафауны в США выступает за интродукцию африканских и азиатских слонов, львов и гепардов в парки на Великих равнинах, чтобы заполнить нишу, которую когда-то занимали мамонты, гигантские ленивцы и другая вымершая мегафауна, с аналогичной пользой для биоразнообразия, смягчения последствий

изменения климата и, не случайно, экотуризма⁹⁸. Бросая вызов фундаментальным идеям о сохранении уникальных экосистем, сторонники ревайлдинга допускают самое беспорядочное, не соответствующее временной эпохе и географическому положению, смешение флоры и фауны. В сущности, однако, ими движет та же тоска по первозданному миру, которая всегда вдохновляла философию дикой природы. Сосредоточивая внимание почти исключительно на голоценовом вымирании, ревайлдеры затрудняют понимание ключевой роли капитализма в глобальном экоциде и игнорируют жестокую и несправедливую историю колониализма и империализма, уничтожающих планету.

Однако восстановление плейстоценовой мегафаги далеко не самый радикальный ответ на кризис вымирания. *Воссоздание вымерших видов* обещает отбросить эволюционное время назад даже более головокружительно, чем ревайлдинг. Попытки использовать традиционные методы *обратной селекции* для воссоздания приблизительных копий вымерших видов предпринимались с тех пор, как в 1920-х в Германии братья Хек пытались возродить тура, крупного предшественника всех коров.

Предок современного крупного рогатого скота, тур — приоритетная цель современных программ обратной селекции. Предоставлено: Pinpin via Wikimedia Commons.

Сегодня в рамках программы *Tauros* предпринимается попытка воссоздать туров с помощью аналогичных техник обратной селекции, но уже руководствуясь конкретными знаниями о геноме туров, полученными из молекулярной биологии и генетики. Цель состоит в том, чтобы к 2020 году выпустить быка породы таурос, который, как утверждают сторонники программы, будет неотличим от тура, в европейские восстановленные районы, такие как Оствардерсплассе в Голландии⁹⁹.

Но эти попытки кажутся скромными по сравнению с целями сторонников воссоздания вымерших видов, которые используют весь потенциал геномных технологий для воскрешения таких вымерших видов, как шерстистый мамонт. Одно вымершее животное уже было возвращено к жизни: в 2000 году франко-испанская группа перенесла ядро клетки кожи последнего в мире пиренейского козерога, найденного мертвым ранее в том же году на севере Испании, в яйцеклетку домашней козы и имплантировала эту яйцеклетку в суррогатную мать в процессе межвидового клонирования с помощью переноса ядра¹⁰⁰. Хотя детеныш козерога умер вскоре после рождения, эксперимент показал, что вымерший вид можно вернуть к жизни. Для таких ученых, как Джордж Чёрч – изобретатель технологии MAGE (мультиплексная автоматизированная геномная инженерия) – синтетическая биология обещает не что иное, как воскрешение любого вымершего вида, чей геном известен или может быть восстановлен из ископаемых останков. Ключом к этому процессу является представление о видах животных как о наборах генетической информации, последовательностях букв, которые могут храниться в компьютере. С этой точки зрения животные (и люди тоже) представляют собой не что иное, как генетический код, который легко преобразовать в код компьютерный¹⁰¹. После того, как геномная информация конкретного вида восстановлена или расшифрована, проблема сводится лишь к преобразова-

нию этой информации в цепочки нуклеотидов, из которых состоят гены и геномы животного¹⁰². Технология Джорджа Чёрча MAGE значительно ускоряет методы генной инженерии, позволяя ученым взять целый геном одного животного, например, слона, и изменить его, используя в качестве шаблона геном другого животного, например, мамонта, тем самым создав новый геном, который может быть использован для клонирования живого мамонта с помощью того же процесса, который использовался для возрождения вымершего испанского козерога. Чёрч надеется воскресить не только мамонта, но и странствующего голубя, карибского тюленя-монаха, золотистого львиного тамарина и многие другие ныне вымершие виды животных с помощью таких организаций как *Revive & Restore*^{VI}, которая позиционирует себя в качестве координатора усилий по «сохранению генома»¹⁰³.

Если ревайлеры стремятся восстановить утраченное время окружающей среды, то синтетическая биология, по словам Чёрча, «позволит нам воспроизвести сцены из нашего эволюционного прошлого и перенести эволюцию в места, где ее никогда не было»¹⁰⁴. Таким образом, противодействие вымиранию тесно связано с *регенезисом*. Технология MAGE фактически была названа «машиной эволюции», поскольку она может за считанные минуты производить генетические мутации, которые происходят в течение миллионов лет. Библейский^{VII} пафос в понятии регенезиса — не ирония. Сторонники синтетической биологии утверждают, что она буквально превратит нас в богов и позволит не

^{VI} «Возрождать и восстанавливать» — калифорнийская НКО, которая занимается внедрением биотехнологий в природоохранную биологию с целью увеличить биоразнообразие путем генетического спасения исчезающих и вымерших животных. Основана в 2012 году. — Прим. пер.

^{VII} *The Book of Genesis* («Книга Бытия») — первая книга «Еврейской Библии»/«Ветхого завета». — Прим. пер.

только воскрешать вымершие формы жизни, но и создавать новую жизнь в соответствии с нашими потребностями¹⁰⁵. Неудивительно, что это обещание распалило общественное воображение и привлекло изрядный объем венчурного капитала в такие организации, как *Revive & Restore*. Но даже самые ярые сторонники воссоздания видов признают, что для его осуществления предстоит решить множество проблем. Биологи, например, гораздо лучше умеют манипулировать геномами, чем восстанавливать ландшафты¹⁰⁶. К тому же, многие биологи, занимающиеся охраной природы, задаются вопросом, действительно ли имеет смысл тратить огромное количество времени и средств на воскрешение такого вымершего вида, как странствующий голубь, когда угрозы, вызвавшие его исчезновение, — уничтожение среды обитания — только усилились? Возможно, нам удастся воскресить несколько отдельных особей вымершего вида, но не приведет ли это к тому, что, выпустив их в разоренные места обитания, мы жестоко обречем их на повторное вымирание?

Воссоздание вымерших видов предлагает соблазнительное, но опасно обманчивое техническое решение экологического кризиса, порожденного системными противоречиями капитализма. Дело не только в том, что воссоздание видов отвлекает внимание — и экономические ресурсы — от усилий по сохранению существующего сегодня биоразнообразия¹⁰⁷. Фундаментальная проблема с воссозданием видов состоит в том, что оно основывается на всесторонних манипуляциях и коммодификации природы, и, таким образом, идеально согласуется с биокапитализмом. Американские юристы уже начали утверждать, что возрожденные виды, такие как мамонт, будут «продуктом человеческой изобретательности» и, следовательно, должны подпадать под патентование¹⁰⁸. Таким образом, возрождение видов органично вписывается в неолиберальную парадигму научной деятельности, установленную зако-

ном Бея-Доула 1980 года, который разрешил патентовать научные исследования, и соглашениями об интеллектуальной собственности, навязанными миру после создания Всемирной торговой организации в США в середине 1990-х годов¹⁰⁹.

Таким образом, восстановление вымерших видов предоставляет заманчивую возможность для нового цикла накопления капитала, основанного на создании живых организмов и приобретении прав интеллектуальной собственности на них. Вероятно, это наиболее ощутимый и полностью реализованный пример сдвига, происходящего с 1980-х годов, когда нефтехимическая и фармацевтическая промышленность США заново переосмыслили себя в качестве поставщиков новой, чистой науки о жизни. Вместо того чтобы генерировать (постоянно снижающуюся) прибыль за счет массового производства химических удобрений и пестицидов фордистской эпохи, агропромышленные корпорации, такие как *Monsanto*, переориентировались на создание самой жизни, скупая биотехнологические стартапы. Как отмечает Мелинда Купер, капитал перемещается в «новое пространство производства — молекулярную биологию — и в новый режим накопления, который в гораздо большей степени полагается на финансовые инвестиции»¹¹⁰. В эту новую постмеханическую эпоху производства биологический патент позволяет компании владеть принципом создания организма, его генетическим кодом, а не самим организмом. Таким образом, биологическое производство превращается в основное средство капитала для создания прибавочной стоимости. В рамках этого нового режима биокапитализма живые организмы все чаще рассматриваются, по словам Джорджа Чёрча и Эда Региса, как «программируемые производственные системы»¹¹¹.

Биокапитализм порожден империализмом США и глубоко укоренен в нем. Массовые инвестиции в науки о жизни, характеризующие этот режим накоп-

ления, — это результат монетаристской контрреволюции 1979–1982 годов, когда США ввели политику процентных ставок, которая направила глобальные финансовые потоки в долларовые и американские рынки¹¹². С тех пор США финансировали свой постоянно растущий дефицит бюджета за счет непрерывного притока капитала. В результате возникла форма капиталистического неистовства, которая позволяет США — уже какое-то время — действовать, полностью игнорируя экономические и экологические ограничения. И все же, долговой империализм США основан на извлечении капитала из зависимых стран через навязывание им разрушительной политики структурной перестройки посредством таких организаций, как Международный валютный фонд и Всемирный банк¹¹³. Ослабленные долгами развивающиеся страны были вынуждены распродавать государственные активы и открыть свою экономику для внешнего капитала в ходе процесса глобального огораживания. Игнорируя эти обстоятельства накопления путем отчуждения, идеологи биокапитализма, однако, опираются на работы таких ученых, как Илья Пригожин, чья книга «Порядок из хаоса» оспаривает представления о пределах, присущих второму закону термодинамики, утверждая, что вся природа подчиняется законам самоорганизации и возрастающей сложности, характерным для биологических процессов и систем¹¹⁴. Неолибералы под влиянием этой биокапиталистической парадигмы пришли к выводу, что экономика, как и сама жизнь, характеризуется процессом непрерывного саморегулирующегося *аутопоэзиса* или самовоспроизводства¹¹⁵. И снова, как и сама жизнь, капитализм характеризуется серией катастрофических кризисов, которые в конечном итоге порождают новые формы сложности, подобно массовым вымираниям в истории эволюции.

Эта неолиберальная идеология настолько проникла в природоохранную деятельность, что дискуссии о биоразнообразии стали площадкой для разработки того,

что можно было бы назвать *биокапитализмом катастроф*. Подобно тому, как описанный Наоми Кляйн капитализм катастроф использует политические катаклизмы для накопления, биокапитализм катастроф использует кризис вымирания как возможность усугубить коммодификацию самой жизни¹¹⁶. К примеру, на климатической конференции в 2007 году ООН и Всемирный банк объявили о старте программы «Сокращение выбросов в результате обезлесения и деградации лесов» (REDD), в рамках которой странам глобального Юга будут платить за защиту существующих лесов и сокращение обезлесения. Затем углерод, накопленный в этих лесах, может быть посчитан и продан загрязняющим предприятиям на глобальном Севере, которые могут покупать его, чтобы «компенсировать» свои загрязняющие выбросы вместо того, чтобы сокращать их. Программа REDD была запущена без согласования с коренными народами и другими зависимыми от лесов сообществами и уже проявила себя в связи с множественными захватами земель и нарушениями прав человека¹¹⁷. В подобных REDD международных соглашениях, контролируемых корпорациями, местные землепользователи подозрительно часто представляются как разрушители биоразнообразия и, как следствие, подвергаются принудительному переселению, чтобы экосистемы можно было приватизировать и превратить в доходный товар для продажи на глобальных рынках капиталов.

Основываясь на примере REDD, Конвенция ООН о биологическом разнообразии в 2008 году запустила собственную модель маркетинга «экологических услуг» посредством инициативы «Бизнес и биоразнообразие», которая включает механизмы компенсации и создания «естественного капитала»¹¹⁸. В таких проектах экологическое достояние глобального Юга, тропические леса и океаны планеты и бесчисленные населяющие их существа становятся источником естественного капитала, который можно количественно оценить

и продать на глобальных рынках. Биоразнообразие таким образом превращается в генератор компенсационных кредитов, которые позволяют загрязняющим окружающую среду корпорациям и правительствам продолжать свой экологический беспредел. Некоторые из самых известных в мире природоохранных экологических НПО присоединились к этому биокапитализму катастроф, в том числе *Conservation International*, *Worldwide Fund for Nature*^{VIII}, *The Nature Conservancy* и *Environmental Defense Fund*¹¹⁹. Ужасно, что многие из этих природоохранных организаций усиливают социальное воздействие экологического кризиса, поощряя государства глобального Юга выселять из природоохранных зон коренное население, которое объявляют неспособным управлять своей собственной землей, создавая тем самым «природоохранных беженцев»¹²⁰.

^{VIII} Новое название WWF. – *Прим. пер.*

5. РАДИКАЛЬНАЯ ОХРАНА ПРИРОДЫ

Принцип «в долгосрочной перспективе все мы мертвы» определял экономическое развитие, как в первом, так и в третьем мире, как в социалистических, так и в капиталистических странах. Эти процессы развития привели — в некоторых областях и некоторых людей — к реальному и существенному росту благосостояния. Но они также характеризовались глубоким безразличием к окружающей среде, полным пренебрежением к нуждам будущих поколений... Именно то, что мы называем «глобальным зеленым движением», наиболее настойчиво подтолкнуло людей и правительства выйти за рамки этой губительной недальновидности, борясь за мир, в котором тигр будет по-прежнему бродить по лесам Сандербанса, а лев величественно вышагивать по африканской равнине, где дары природы могут распределяться между людьми более справедливо, где наши дети смогут свободно пить воду из наших рек и дышать воздухом наших городов.

— Рамачандра Гуха, «Энвайронментализм:
глобальная история» (1999)

Если мейнстримный энвайронментализм полностью поглощен и включен в неолиберальный политический курс, — каким должно стать радикальное антикапиталистическое природоохранное движение? Во-первых, оно должно исходить из понимания того, что кризис вымирания — это одновременно проблема окружающей среды и проблема социальной справедливости, связанная с долгой историей капиталистического господства над конкретными людьми, животными и растениями. Кризис вымирания необходимо рассматривать как ключевой элемент современной борьбы против накопления путем отчуждения. Другими словами, этот кризис должен стать главным вопросом в борьбе за климатическую справедливость. Если технические решения, такие как воссоздание вымерших видов, способствуют новым циклам биокапиталистического накопления, антикапиталистическое движение против вымирания должно выступать за отказ от превращения земли, людей, флоры и фауны в товар. Мы должны отвергнуть капиталистическое биопиратство и империалистическое огораживание всеобщего достояния, особенно когда они прикрываются аргументами о сохранении биоразнообразия. Форумы по огораживанию, такие как инициатива «Бизнес и биоразнообразие» Рамочной конвенции ООН об изменении климата, должны быть признаны тем, чем они являются на самом деле, и закрыты. Прежде всего, антикапиталистическое природоохранное движение должно препятствовать приватизации генома как формы интеллектуальной собственности, которая в интересах глобальных элит превратит его в органическую фабрику. Синтетическая биология должна работать под общественным контролем¹²¹. Геномная информация растений, животных и людей — это всеобщее богатство планеты, и все попытки использовать это природное достояние должны основываться на принципах равенства, солидарности, экологической и климатической справедливости.

Даже такие благонамеренные усилия по борьбе с вымиранием, как ревайлдинг, следует поставить под вопрос, если они не рассматривают глобальное перераспределение климатической справедливости. Слишком часто проекты ревайлдинга ориентированы исключительно на богатые регионы планеты. Например, в «*Манифесте ревайлдинга мира*» Джорджа Монбио говорится об исключительно европейских проектах ревайлдинга, а в заключении автор спрашивает, почему бы Европе не иметь собственный Серенгети или даже два¹²². В связи с этим возникает вопрос о том, какую ответственность несет Европа за сам парк Серенгети в Танзании, а также за другие природные территории на глобальном Юге. Данные в этой области достойны сожаления. Так, например, в 2013 году Эквадор отказался от своей инициативы «Ясуни ИТГ», которая привела бы к мораторию на разведку нефти в национальном парке Ясуни, биосферном заповеднике ООН, в обмен на выплаты (от богатых стран) в размере половины доходов, полученных от бурения в парке¹²³. Целевой фонд, созданный для управления этой инициативой, получил лишь малую часть средств, необходимых Эквадору. Как можно с энтузиазмом поддерживать ревайлдинг на глобальном Севере, когда почти отсутствует четко выраженное стремление к сохранению существующего биоразнообразия на глобальном Юге? Более того, если рассматривать ревайлдинг как способ спасти от уничтожения такую харизматичную африканскую мегафауну, как слоны, импортировав их в неподходящие районы Западной Европы или Северной Америки, он слишком легко превратится в новейшую форму империалистической экологии с хвалеными зоопарками, заполненными похищенными африканскими и азиатскими дикими животными¹²⁴. И наконец, хотя ревайлдинг приводит веские аргументы в пользу определяющей роли ключевых видов, он воспроизводит традиционное пристрастие природоохранной деятельности Запада к большому, красивому и харизматичному объекту. Это не

решит проблему подавляющего большинства видов флоры и фауны, которым сегодня угрожает исчезновение.

Антикапиталистическое природоохранное движение должно не только знать историю колониальной экспроприации флоры и фауны, но и сосредоточиться на способах борьбы с такими формами эксплуатации сегодня. Дикая природа в парках, таких как Серенгети, была восстановлена после столетий европейской колониальной охоты на крупных местных животных. Сегодня хорошо вооруженные браконьеры снова угрожают мегафауне в оставшихся очагах мирового биоразнообразия. В то время как браконьеры, как правило, переваривают добытые ими слоновьи бивни и рога носорогов на зарубежные рынки, в большинстве случаев их вооружение осталось от десятилетий опосредованных войн времен Холодной войны. Более того, африканские государства зачастую не в состоянии противостоять браконьерам из-за проводимой МВФ и Всемирным банком политики структурной перестройки, которая поставила страны глобального Юга на грань краха. Усилия по преодолению кризиса вымирания не могут быть сосредоточены только на ревайлдинге глобального Севера, равно как и не должны сосредотачиваться исключительно на запрете глобальной торговли дикими животными и растениями. Антикапиталистическое движение против вымирания также должно быть направлено на преодоление фундаментального экономического и политического неравенства, которое приводит к истреблению мегафауны. Кризис вымирания следует определять в контексте новой волны экстрактивизма^{IX}, которая истощает многие бедные страны, переправляя

^{IX} Экстрактивизм – совокупность экономических процессов, связанных с бесконтрольной хищнической добычей (экстракцией) полезных ископаемых, сконцентрированный в определенных макрорегионах, а также идеология, которая обслуживает эти процессы. – Прим. пер.

их полезные ископаемые, флору и фауну на потребительские рынки промышленно развитых стран. Этот новый экстрактивизм следует рассматривать как то, чем он по факту является — новой волной империализма, которая уничтожает бедные страны, подрывая биологическую основу их коллективного будущего¹²⁵.

Какими должны быть формы и основные цели широкого антикапиталистического движения против вымирания и за экологическую справедливость? Оно должно начаться с открытого признания развитыми странами длинной истории экоцида, описанной в этой книге. Это привело бы к последующему признанию долга богатых стран глобального Севера перед глобальным Югом за уничтожение биоразнообразия. Опираясь на требования, сформулированные движением за климатическую справедливость, антикапиталистическое природоохранное движение должно потребовать выплаты этого долга биоразнообразия¹²⁶. Как будет происходить эта выплата? Как показывает REDD, нельзя расчитывать на то, что государства глобального Юга всегда будут справедливо распределять средства, полученные от стран Севера; более того, в настоящее время они слишком часто вступают в сговор с эксплуатирующими ресурсы корпорациями, вытесняя таких землепользователей, как коренные народы, некоторые из которых живут в лесах. Рабочей моделью здесь может послужить призыв движения за климатическую справедливость ввести всеобщий гарантированный доход для жителей стран, которым должен выплачиваться климатический долг. Почему бы не запустить образцовую инициативу по введению такой программы гарантированного дохода на основе показателей выбросов углерода и снижения биоразнообразия в очагах биоразнообразия планеты? 15 из 25 наземных очагов биоразнообразия в основном покрыты влажными тропическими лесами и, следовательно, являются ключевыми участками для поглощения углеродного загрязнения. Эти находящиеся

под угрозой экосистемы включают влажные тропические леса на атлантическом побережье Бразилии, южную часть Мексики с Центральной Америкой, тропические Анды, Большие Антильские острова, Западную Африку, Мадагаскар, Западные Гаты в Индии, Индо-Бирму, Индонезию, Филиппины и Новую Кaledонию. Они составляют всего 1,4% поверхности Земли, и, тем не менее, по данным Эдварда Уилсона, эти регионы являются «единственным местом обитания 44% видов растений и более трети всех видов птиц, млекопитающих, рептилий и земноводных в мире»¹²⁷. Всем этим районам серьезно угрожает огораживание и экоцид. Всеобщий гарантированный доход для жителей этих горячих точек создаст реальный противовес привлекательности браконьерства и предоставит коренным народам и тем, для кого эти зоны богатого биоразнообразия являются домом, экономическую и политическую власть, чтобы заставить свои правительства принять важные природоохранные меры.

Откуда возьмется капитал для такой программы гарантированного дохода для жителей очагов биоразнообразия? Недостатка в активах, конечно, нет. Как утверждает Эндрю Сэйер, 1% накопил свою все возрастающую долю мирового богатства не тяжелым трудом, а присваивая коллективно произведенные излишки посредством финансовых махинаций, таких как дивиденды, доходы с капитала, проценты и рента, большая часть которых затем скрывается в офшорных зонах¹²⁸. Действительно, если мы рассмотрим массовое перемещение мирового богатства вверх, произошедшее за последние полвека, справедливо будет сказать, что никогда прежде столь подавляющее меньшинство не было обязано подавляемому большинству. Один из способов вернуть часть этого общего богатства может стать налог на финансовые операции, предложенный Джеймсом Тобином. Такой налог Робин Гуда даже на очень небольшой процент глобальных потоков спекулятивного

капитала, которые обогащают 1%, принес бы миллиарды долларов на сохранение очагов глобального биоразнообразия. Эти средства также можно было бы направить на развитие производства возобновляемой энергии, как в богатых, так и в развивающихся странах.

Тем не менее, всеобщий гарантированный доход в рамках долга биоразнообразия не должен заменять существующие программы сохранения природы. Напротив, такая мера должна рассматриваться как попытка привнести осведомленность об экологической и климатической справедливости в дебаты о кризисе вымирания. Таким образом, долг биоразнообразия расширил бы существующие программы сохранения природы, одновременно препятствуя появлению природоохранных беженцев. Кроме того, ревайлдинг и воссоздание вымерших видов, несмотря на их существенные недостатки, могут иметь место и в антикапиталистическом природоохранном движении, но только если они будут переосмыслены с точки зрения истории экоцида. Например, ревайлдинг не должен проводиться на глобальном Севере без соразмерной экономической помощи для сохранения и ревайлдинга территорий на глобальном Юге, чье нынешнее истощенное состояние часто напрямую связано с добывающей промышленностью Севера, от плантационного рабства до недавних захватов территорий. Аналогичным образом, воссоздание вымерших видов можно разумно использовать, например, для повторной интродукции вымерших версий генов в виды, которые утратили критическое количество генетического разнообразия. Однако такие усилия должны быть направлены на сохранение существующего биоразнообразия, особенно в горячих точках, где виды находятся под угрозой исчезновения, а не на воскрешение из могилы вымершей харизматической мегафауны. Все подобные и любые другие усилия по борьбе с вымиранием должны предприниматься как акты экологической солидарности со стороны народов

глобального Севера с истинными хранителями биоразнообразия планеты — народами глобального Юга. Только таким образом борьба с вымиранием может способствовать не просто прощению и примирению, но и выживанию после пяти сотен лет колониального и имперского экоцида.

Борьба за сохранение глобального биоразнообразия должна рассматриваться как неотъемлемая часть более широкой борьбы против экономической и социальной системы, основанной на безответственной, самоубийственной экспансии. Как мы уже убедились, капитализм основан на непрерывном росте и огораживании, которые разрушают экосистемы во всем мире, поэтому цель богатых стран глобального Севера должна состоять в том, чтобы перевернуть нашу нынешнюю экспансионистскую систему, содействуя *антриросту*. Что наиболее важно, страны, извлекающие выгоду из сжигания ископаемого топлива, должны существенно сократить свои выбросы углерода, чтобы остановить всеобщее погружение в неуправляемый климатический хаос, который угрожает подавляющему большинству существующих форм жизни. Вместо ошибочных и непрактичных решений, таких как торговля квотами на выбросы углерода и геоинженерия, которые отстаивают сторонники неолиберальных мер в борьбе с климатическим кризисом, антикапиталисты должны бороться за что-то похожее на метод *сокращения и конвергенции*, предложенного *Global Commons Institute*¹²⁹. Цель этого предложения — стремиться к ситуации, в которой все страны имеют одинаковый уровень выбросов на человека (конвергенция), при этом сокращая их до устойчивого уровня (сокращение). Такой стране, как Соединенные Штаты, где проживает всего 5% населения мира, будет разрешено не более 5% глобальных устойчивых выбросов. Такой шаг означал бы значительное антиимпериалистическое изменение, поскольку в настоящее время на США приходится 25% выбросов углерода.

Влиятельные люди и корпорации, которые контролируют такие страны, как США, вряд ли без сопротивления примут такое революционное урезание этой расточительной системы, которая их обеспечивает. Уже существует множество свидетельств того, что они скорее разрушат планету, чем лишатся хотя бы малейшей части своей власти. Например, такие крупные корпорации, добывающие ископаемое топливо, как *Exxon*, в течение последней четверти века финансировали отрицание климатических изменений, несмотря на многочисленные доказательства, приводимые *их собственными учеными*, что сжигание ископаемого топлива создает неустойчивые экологические условия¹³⁰. Такое поведение следует расценивать, как преступление против человечества. Мы не должны рассчитывать на переговоры с такими деструктивными структурами. Их активы должны быть изъяты. Большая часть этих активов в виде запасов ископаемого топлива в любом случае не может быть использована, если мы хотим предотвратить экологическую катастрофу. То, что останется от этих активов, следует использовать для финансирования быстрого регулируемого сокращения выбросов углерода и перехода на возобновляемые источники энергии. Эти шаги должны быть частью более широкой программы преобразования нынешней неустойчивой капиталистической системы, доминирующей в мире, в устойчивые общества, основанные на принципах равенства и экологической справедливости.

В настоящее время такие революционные меры кажутся совершенно непрактичными, поскольку большинство медиа, политические партии и репрессивная власть государства находятся в руках плутократов. Однако сейчас, более чем когда-либо, мы не можем позволить нынешнему положению дел определять наш горизонт надежды и ощущение возможности. Термический кризис капитализма больше не является перспективой – это реальность, которая обрушивается на

планету, как серия свирепых взаимосвязанных штормов. Наука говорит нам, что эта беспрецедентная климатическая турбулентность сначала накроет тропические, постколониальные страны, где десятилетия структурной перестройки ослабили инфраструктуру, пропитали города нищетой и подорвали коллективную солидарность¹³¹. Мы уже наблюдаем, как конфликты, вызванные изменением климата, такие как война в Сирии, опустошают целые общества, порождая миллионы беженцев, тысячи из которых оказались в неопределенном положении из-за отказа европейских стран предоставить им безопасное убежище¹³². И хотя глобальный Юг пострадает в первую очередь и сильнее всех, надвигающиеся волны климатического хаоса захлестнут весь земной шар. Как утверждает Кристиан Паренти, безопасных убежищ от этого надвигающегося шторма не существует¹³³. Как это ни парадоксально, ведение бизнеса в обычном режиме — прямой путь к катастрофическому разрушению основных климатических условий, в которых человечество живет со времен неолитической революции. Сейчас бездействие — это прямой путь к катастрофе. Просто для того, чтобы сохранить окружающую среду, благоприятную для дальнейшего существования животных, растений и людей, мы должны в корне изменить условия, вызвавшие климатический кризис: неустойчивую капиталистическую систему, которая привела к шестому вымиранию. Таким образом, единственная истинная охрана природы — это радикальная охрана.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пищуха — небольшое, довольно симпатичное млекопитающее, немного похожее на хомяка. Пищухи обитают на изрезанных склонах горных хребтов в Восточной Азии, на Среднем Востоке и в Северной Америке. Исследователи сообщают, что темпы вымирания американской пищухи за последнее десятилетие увеличились почти в 5 раз¹³⁴. Поскольку их выживание зависит от прохладной высокогорной среды обитания, пищухиправляются с повышением температуры, вызванным изменением климата, поднимаясь по горным склонам со скоростью, которая за последние 10 лет увеличилась в 11 раз. Пищухи в конце концов достигают вершин гор, на которых обитают; на данный момент им уже некуда идти, чтобы спастись от глобального потепления. Их отчаянное положение — особенно пронзительная метафора ситуации, в которой все чаще оказываются животные и растения нашей планеты. Будучи первым видом млекопитающих, находящимся под прямой угрозой в результате изменения климата, пищухи являются индикаторным видом, предупреждающим об усилении и без того катастрофических темпов разрушения среды обитания и вымирания в результате антропогенного изменения климата.

Почему нас должна заботить судьба маленькой пищухи или любого другого исчезающего вида растений или животных? Зачем беспокоиться о вымирании? Разве не существует множества других кризисов, о которых нам стоит волноваться, включая экологические бедствия, такие как ураганы, разрушающие целые города? На эти вопросы можно ответить с чисто утилитарной точки зрения. Наше существование зависит от других видов. Окружающие нас растения и животные

синтезируют кислород, которым мы дышим, потребляют углекислый газ, который мы выделяем, производят пищу, которую мы едим, поддерживают плодородие почвы и возвращают наши тела в землю после того, как мы умираем¹³⁵. Хотя многие культуры признают и воспевают эту богатую взаимозависимость видов, капиталистическая система, достигнувшая за последние пять веков глобального господства, опирается и процветает на отчуждении. Если анализировать эту экономическую систему и культуру через оптику вымирания, станет ясно, что она основана на стремлении уничтожить все на своем пути.

Но есть и совсем другой ответ на вопрос, почему мы должны беспокоиться о вымирании. Каждый вид и экосистема вносят свой вклад в богатство и красоту жизни на Земле. Каждый из них уникален и, согласно набирающим влияние доктринаам *юриспруденции Земли^X* и *Дикого права^{XI}*, каждый вид является неотъемлемой частью сети жизни и, следовательно, имеет права, которые необходимо признавать и уважать¹³⁶. Как только вид или экосистема уничтожены, они потеряны навсегда. Шестое вымирание – великая волна разрушения, которая радикально обедняет не только планету, но и человечество. Это показатель того, что с нами что-то пошло не так. Кто-то может предположить, что человек был проклят способностью массово уничтожать другие виды на протяжении многих тысячелетий. Например, в своей важной книге о вымирании Элизабет Колберт пишет, что именно наша видовая способность к творчеству подвергает планету опасности, но также может и спасти ее. Она пишет: «Со способностью отображать

^X *Earth jurisprudence* – философия права и общественного управления, основанная на идее, что люди являются лишь частью более широкого сообщества существ, а благосостояние каждого члена этого сообщества зависит от благосостояния Земли в целом. – Прим. пер.

^{XI} *Wild Law: A Manifesto for Earth Justice* – книга-манифест Кормака Куллинана, в которой предлагается признать юридические права природных сообществ и экосистем. – Прим. пер.

мир с помощью знаков и символов приходит и способность менять его, а значит, как выясняется, и разрушать»¹³⁷. Это утверждение, безусловно, имеет под собой некоторые основания: как мы видели, язык позволил *Homo sapiens* организоваться в смертоносные группы охотников, которые по всему миру вызвали волну вымирания мегафауны в эпоху позднего плейстоцена. Однако с тех пор многие человеческие культуры научились жить в относительной гармонии с окружающей их флорой и фауной. Что еще более важно, волны вымирания прошлых тысячелетий меркнут на фоне уничтожения мировой дикой природы, вызванного капитализмом в современную эпоху. Понимание того, что капитализм несет ответственность за львиную долю шестого вымирания, помогает нам избежать глубоко антиутопической идеи о том, что люди обладают врожденной склонностью к разрушению природы.

Антиkapиталистическая точка зрения также не позволяет нам приписывать экоцид всему человечеству в целом. Как мы знаем, за последние 500 лет капитализм вызвал волны огораживаний, империализма, войн и экоцида, которые принесли выгоду очень небольшой части человечества, переселив, разорив, поработив и уничтожив бесчисленное количество людей, животных и растений. Не все в равной степени ответственны за уничтожение природы, несмотря на предложение Колберта: «Если вы хотите поразмышлять, почему люди столь опасны для других видов, то представьте себе вооруженного автоматом АК-47 браконьера в Африке, замахивающегося топором лесоруба в Амазонии или, еще лучше, представьте самого себя с книгой на коленях»¹³⁸. Такое огульное обвинение всего человечества целиком является исторически неточным и политически бессильным. Такой взгляд не дает нам ни представления о структурных силах, которые порождают эксплуатацию и экоцид, ни понимания того, как эти силы могут подталкивать уязвимых к поведению, противоречащему их долгосрочным интересам, а также

отрицает возможность того, что люди на относительно богатом глобальном Севере могут действовать солидарно с теми, кого Франц Фанон называл «проклятыми этой земли». Такая перспектива поистине безнадежна.

Как уже было сказано, легче представить себе конец света, чем конец капитализма¹³⁹. На этот афоризм темных времен я бы ответил, что легче представить конец капитализма, чем сформулировать любое другое подлинное решение кризиса вымирания. Если капитализм — основная причина и главный двигатель кризиса вымирания, то, несомненно, мы приходим к мысли, что надежду можно найти только в том, чтобы бросить вызов его губительной силе всеми доступными нам средствами. Капитализм не вечен — это конкретная экономическая система, основанная на ряде исторически определенных экономических механизмов и социальных ценностей. Он возник на мировой арене сравнительно недавно и, так или иначе, когда-нибудь он за кончится. Для нас вопрос заключается в том, каким мы хотим видеть окончание капитализма. Антикапиталистическое мышление может быть освобождающим, порождающим мириады конструктивных проектов и освободительных перспектив. Действительно, как заявила Наоми Кляйн, климатический кризис уже пробуждает множество новых экспериментов и захватывающих видений нового общества¹⁴⁰. Но точка зрения Кляйн еще более фундаментальна: климатология, указывает она, дала совершенно ясно понять, что наша экономическая система разрушает системы жизнеобеспечения планеты, от которых мы зависим. Поэтому изменение климата делает необходимым обсуждение радикальных преобразований капиталистических общественных отношений — в последние два десятилетия эта тема была практически табуирована.

Кризис вымирания делает еще более ощутимой срочность преобразований, о которых говорит Кляйн. В конце концов, для большинства людей на планете повышение концентрации углерода в атмосфере остается

относительно абстрактным. Напротив, волна вымирания, уничтожающая растения и животных по всей планете, поражает самую сокровенную и мощную из человеческих способностей: наше умение воображать. Сила человеческих мечтаний была исторически тесно связана с порождающим многообразием растительной и животной жизни, которая нас окружает¹⁴¹. Даже в «продвинутых» капиталистических культурах мы поощряем наших детей изучать основные формы сочувствия и воображения, давая им игрушечных животных и читая им такие истории, как *«Сказка о Кролике Питере»*. Мы всегда использовали животных и растения, чтобы символизировать наши самые сокровенные страхи, наши надежды и даже нашу самую большую любовь. По мере того как капитализм прорывает все более зияющие дыры в прекрасной сети жизни, частью которой мы являемся, наша способность мечтать, воображать другие, более разнообразные миры радикально обедняется. Каждый вид, преданный забвению, — это тяжелая утрата для планеты в целом и серьезная угроза для многих людей, чьи жизни связаны с этим видом. Кроме того, такие потери — наиболее конкретные свидетельства экоцидного характера капитализма. Перед лицом такой непоправимо хищной и, в конечном итоге, обедняющей жизнь системы мы должны настаивать на способности человека мечтать и строить более справедливый, более биологически разнообразный мир.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anker, Peder. *Imperial Ecology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
- Arneil, Barbara. *John Locke and America: The Defense of English Colonialism*. New York: Oxford University Press, 1996.
- Beever, Erik A., Chris Ray, Jenifer L. Wilkening, Peter F. Brussard, Philip W. Mote, "Contemporary climate change alters the pace and drivers of extinction" *Global Change Biology*, 2011; DOI: 10.1111/j.1365-2486.2010.02389.x.
- Brashares, Justin S. et al. "Wildlife Decline and Social Conflict," *Science* 345.6195 (25 July 2014): 376–378.
- Brosnimmer, Franz J. *Ecocide: A Short History of the Mass Extinction of Species*. New York: Pluto, 2002.
- Carlin, Dr. Norman, Ilan Wurman, and Tamara Zakim, "How To Permit Your Mammoth: Some Legal Implications of 'De-Extinction,'" *Stanford Environmental Law Journal* 33.3 (January 2014), <https://journals.law.stanford.edu/stanford-environmental-law-journal-selj/print/volume-33/number-1/how-permit-your-mammoth-some-legal-implications-de-extinction>.
- Carrington, Damian. "Earth Has Lost Half Its Wildlife in the Past Forty Years, WWF Says," *The Guardian* (30 September 2014), <http://www.theguardian.com/environment/2014/sep/29/earth-lost-50-wildlife-in-40-years-wwf>.
- Chakrabarty, Dipesh. "The Climate of History," *Critical Inquiry* 35 (Winter 2009), 197–222.
- Christy, Brian. "Blood Ivory," *National Geographic* (October 2012), Accessed 5 August 2014, <http://ngm.nationalgeographic.com/2012/10/ivory/christy-text>.
- Church, George and Ed Regis. *Regenesis: How Synthetic Biology Will Reinvent Nature and Ourselves*. New York: Basic Books, 2012.
- Cohen, Mark Nathan. *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.
- Columbus, Christopher. *Select Letters of Christopher Columbus*, R.S. Major, trans. and ed.. London: Hakluyt Society, 1870.

- Cooper, Melinda. *Life as Surplus: Biotechnology and Capitalism in the Neoliberal Era*. Seattle, WA: University of Washington Press, 2008.
- Cronon, William. "The Trouble with Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature," in William Cronon, ed., *Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature*. New York: W. W. Norton & Co., 1995, 69–90.
- Crosby, Alfred. *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492*. New York: Praeger, 2003.
- Crutzen, Paul. "The Geology of Mankind," *Nature* 415.6867 (2002), 23.
- Cullinan, Cormac. *Wild Law: A Manifesto for Earth Justice*. New York: Chelsea Green, 2011.
- Dell'Amore, Christine. "Beloved African Elephant Killed for Ivory," *National Geographic* (16 June 2014), Accessed 5 August 2014, <http://news.nationalgeographic.com/news/2014/06/140616-elephants-tusker-satao-poachers-killed-animals-africa-science/>.
- Dirzo, Rodolfo. "Defaunation in the Anthropocene," *Science* 345.6195 (25 July 2014): 401–406.
- Donlan, Josh. "De-extinction in a Crisis Discipline," *Frontiers of Biogeography* 6.1 (2014), 25–28.
- "Lions and Cheetahs and Elephants, Oh My!" *Slate* (August 18, 2005), Accessed 5 August 2014, http://www.slate.com/articles/health_and_science/science/2005/08/lions_and_cheetahs_and_elephants_oh_my.html.
- Dunbar-Ortiz, Roxanne. *An Indigenous People's History of the United States*. New York: Beacon, 2014.
- Federici, Silvia. *Caliban and the Witch: Women, the Body, and Primitive Accumulation*. New York: Autonomedia, 2004.
- Ferguson, Brian R. "Ten Points on War," *Social Analysis*, 52.2 (Summer 2008), 32–49.
- Fischer, Steven Roger. *History of Writing*. New York: Reaktion Books, 2004.
- Global Justice Ecology Project, The Green Shock Doctrine (12 May 2014), Accessed 5 August 2014, <http://globaljusticeecology.org/green-shock-doctrine/>.
- Grainger, Sally, ed., *Apicius: A Critical Edition*. New York: Prospect Books, 2006.
- Grove, Richard. *Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens, and the Origins of Environmentalism, 1600–1860*. New York: Cambridge University Press, 1996.

- Guha, Ranajit and Juan Martinez-Alier. *Varieties of Environmentalism: Essays North and South*. London: Earthscan, 1997.
- Haraway, Donna. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.
- Hardt, Michael and Antonio Negri. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2011.
- Harrison, Robert Pogue. *Forests: The Shadow of Civilization*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1992.
- Harvey, David. *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism*. New York: Oxford University Press, 2014.
- The Enigma of Capital. New York: Oxford University Press, 2010.
- The New Imperialism. New York: Oxford University Press, 2003.
- Heise, Ursula. "Lost Dogs, Last Birds, and Listed Species: Cultures of Extinction," *Configurations* 18.1–2 (Winter 2010), 49–72.
- Hughes, J. Donald. *Environmental Problems of the Greeks and Romans: Ecology in the Ancient Mediterranean*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2014.
- "Ripples in Clio's Pond: Rome's Decline and Fall: Ecological Mistakes?" *Capitalism, Nature, Socialism* 8.2 (June 1997), 117–21.
- Jameson, Fredric. "Future City," *New Left Review* 21 (May-June 2003), Accessed 5 August 2014,
<http://newleftreview.org/II/21/fredric-jameson-future-city>.
- Klein, Naomi. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. New York: Picador, 2008.
- This Changes Everything: Capitalism vs. The Climate. New York: Simon and Schuster, 2014.
- Kolbert, Elizabeth. "Recall of the Wild: The Quest to Engineer a World Before Humans," *The New Yorker* (24 December 2012), Accessed 5 August 2014,
<http://www.newyorker.com/magazine/2012/12/24/recall-of-the-wild>.
- "Save the Elephants," *New Yorker* (7 July 2014), Accessed 5 August 2014, <http://www.newyorker.com/magazine/2014/07/07/save-the-elephants>.
- The Sixth Extinction: An Unnatural History. New York: Henry Holt, 2014.
- Kovel, Joel. *The Enemy of Nature: The End of Capitalism or the End of the World*. New York: Zed, 2007.
- Lascher, John. "If You Plant Different Trees in the Forest, Is It Still the Same Forest?" *The Guardian* (19 October 2014), Accessed 5 August 2014, <http://www.theguardian.com/vital>

- signs/2014/oct/19-sp-forests-nature-conservancy-climate-change-adaptation-minnesota-north-woods.
- Liberti, Stefano. *Land Grabbing: Journeys in the New Colonialism*. New York: Verso, 2014.
- Lilley, Sasha, David McNally, and Eddie Yuen, *Catastrophism: The Apocalyptic Politics of Collapse and Rebirth*. New York: PM Press, 2012.
- Locke, John. *Second Treatise on Government*, Chapter 5: Of Property. Accessed 5 August 2014,
<http://www.constitution.org/jl/2ndtr05.htm>.
- MacKinnon, J. B. *The Once and Future World: Nature As It Was, As It Is, As It Could Be*. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
- Martin, Paul S. *Twilight of the Mammoths: Ice Age Extinctions and the Rewilding of America*. Berkeley, CA: University of California Press, 2005.
- Merchant, Carolyn, *The Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution*. New York: HarperOne, 1990.
- Monbiot, George. "A Manifesto For Rewilding the World," Accessed 5 August 2014, <http://www.monbiot.com/2013/05/27/a-manifesto-for-rewilding-the-world/>.
- *Feral: Searching for Enchantment on the Frontiers of Rewilding*. New York: Allen Lane, 2013.
- Moore, Jason. "Anthropocene or Capitalocene?" Accessed 9 August 2014,
<http://jasonwmoore.wordpress.com/2013/05/13/anthropocene-or-capitalocene/>.
- Nixon, Rob. "Environmentalism and Postcolonialism," in Ania Loomba and Suvir Kaul, eds., *Postcolonial Studies and Beyond*. Durham, NC: Duke University Press, 2005), 233–51.
- O'Connor, James. *Natural Causes: Essays in Ecological Marxism*. New York: Guilford Press, 1997.
- Parenti, Christian. *Tropics of Chaos: Climate Change and the New Geography of Violence*. New York: Nation Books, 2012.
- Parr, Adrian. *The Wrath of Capital: Neoliberalism and Climate Change Politics*. Columbia University Press, 2014.
- Ponting, Clive. *A Green History of the World: The Environment and the Collapse of Great Civilizations*. NY: Penguin, 1991.
- Prigogine, Ilya and Isabelle Stengers, *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue With Nature*. New York: Bantam, 1984.

- “Regulate Synthetic Biology Now: 194 Countries,” SynBio Watch(20 October 2014), <http://www.synbiowatch.org/2014/10/regulate-synthetic-biology-now-194-countries/>.
- Revkin, Andrew. “Confronting the Anthropocene,” New York Times(11 May 2011), Accessed 9 August 2014, http://dotearth.blogs.nytimes.com/2011/05/11/confronting-the-anthropocene/?_php=true&_type=blogs&_r=0.
- Rewilding Europe* at <http://www.rewildingeurope.com/>.
- Rich, Nathaniel. “The Mammoth Cometh,” New York Times Magazine(27 February 2014), Accessed 9 August 2014, <http://www.nytimes.com/2014/03/02/magazine/the-mammoth-cometh.html>.
- Richards, John F. *The World Hunt: An Environmental History of the Commodification of Animals*. Berkeley, CA: University of California Press, 2014.
- Roberts, Neil. *The Holocene: An Environmental History*. New York: Basil Blackwell, 1992.
- Ross, Andrew. *Creditocracy and the Case for Debt Refusal*. New York: OR Books, 2014.
- Ruddiman, William F. “The anthropogenic greenhouse era began thousands of years ago”. *Climatic Change* 61.3 (2003): 261–293.
- Sanders, Barry. *The Green Zone: The Environmental Costs of Militarism*. Oakland, CA: AK Press, 2009.
- Scientific American Editors*. “Why Efforts To Bring Extinct Species Back from the Dead Miss the Point,” *Scientific American* 308.6 (14 May 2013), Accessed 9 August 2014, <http://www.scientificamerican.com/article/why-efforts-bring-extinct-species-back-from-dead-miss-point/>.
- Seddon, Philip et al., “Reversing Defaunation: Restoring Species in a Changing World,” *Science* 345.6195 (2014): 406–412.
- Shiva, Vandana. *Monocultures of the Mind: Biodiversity, Biotechnology, and Agriculture*. New Delhi: Zed Press, 1993.
- Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply*. Boston, MA: South End Press, 2000.
- The Violence of the Green Revolution: Third World Agriculture, Ecology, and Politics*. New York: Zed Books, 1992.
- Shiva, Vandana and Ingunn Moser, eds., *Biopolitics: A Feminist and Ecological Reader on Biotechnology*. Atlantic Highlands, NJ: Zed, 1995.
- Smith, Adam, *The Wealth of Nations*. New York: Bantam Classic, 2003.
- Solnit, Rebecca. *Savage Dreams: A Journey in the Hidden Wars of the American West*. San Francisco: Sierra Club, 1994.

- Thacker, Eugene. *The Global Genome: Biotechnology, Politics, and Culture*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- The Rewilding Institute* at <http://rewilding.org/rewildit/>.
- van Dooren, Toom. *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction*. New York: Columbia University Press, 2014.
- Veltmeyer , Henry and James Petras, eds., *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the 21st Century*. New York: Zed Books, 2014.
- Vidal, John. "How the Kalahari Bushmen and Other Tribespeople Are Being Evicted to Make Way for 'Wilderness,'" *The Guardian*(15 November 2014), Accessed 9 August 2014, <http://www.theguardian.com/world/2014/nov/16/kalahari-bushmen-evicted-wilderness>.
- Vigneri, Sacha. "Vanishing Fauna," *Science* 345.6195 (25 July 2014): 393–395.
- Watts, Jonathan. "Ecuador Approves Yasuni National Park Oil Drilling in Amazon Forest," *The Guardian* (16 August 2013), Accessed 5 August 2014, <http://www.theguardian.com/world/2013/aug/16/ecuador-approves-yasuni-amazon-oil-drilling>.
- Williams, Eric. *Capitalism and Slavery*. Charlotte, NC: University of North Carolina Press, 1994.
- Wilson, Edward O. *The Future of Life*. New York: Knopf, 2004.
- WWF, *Living Planet Report 2014*, Accessed 5 August 2014, http://wwf.panda.org/about_our_earth/all_publications/living_planet_report/.
- Zierler, David. *The Invention of Ecocide: Agent Orange, Vietnam, and the Scientists Who Changed the Way We Think About the Environment*. Athens, GA: University of Georgia Press, 2001.
- Zimov, Sergey. "Pleistocene Park: Return of the Mammoth's Ecosystem," *Science* 308.5723 (6 May 2005), 796–798.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я глубоко благодарен Энн МакКлинток и Робу Никсону за вашу неизменно вдохновляющую работу и присутствие в этом мире. Мне очень повезло, что я мог считать вас моими наставниками и друзьями на протяжении десятилетий.

Я весьма благодарен сообществу *Blue Mountain Center*, где я провел идиллический месяц, сочиняя книгу и размышляя. Именно в ВМС родилась идея этого проекта.

Спасибо Коллин Лай, моей давней подруге, которая помогла мне получить исследовательские привилегии в Калифорнийском университете в Беркли, где была написана большая часть этой книги.

Огромное спасибо моим замечательным научным ассистентам Саре Хильдебранд и Стефано Морелло за помочь в работе над проектом.

Я безмерно благодарен и многим обязан Эдди Юэну за наши многочисленные беседы о капитализме и вымирании. Эти беседы лежат в основе всего, что здесь написано. Любые ошибки в тексте, безусловно, принадлежат мне, но все положительные моменты в книге, несомненно, связаны с нашими с Эдди разговорами о вымирании.

Спасибо Колину Робинсону из *OR Books* за его вдумчивое редактирование и активную поддержку этой книги. Я также очень благодарен остальным сотрудникам *OR* за их работу над проектом.

И, наконец, я благодарен Маниже Морадиан за непоколебимую любовь и мудрость. Время написания этой книги было временем безмерного счастья и роста, которым я во многом обязан тебе, *azizam*.

ОБ АВТОРЕ

Шелли Доусон — профессор английского языка в Городском университете Нью-Йорка (CUNY). Он является автором книг «Беспородная нация» и «Краткая история британской литературы XX века», а также короткого рассказа в антологии «Стейтен-Айленд Нуар».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Christine Dell'Amore, "Beloved African Elephant Killed for Ivory," National Geographic (16 June 2014), Accessed 5 August 2014, <http://news.nationalgeographic.com/news/2014/06/140616-elephants-tusker-satao-poachers-killed-animals-africa-science/>. See also Brian Christy, "Blood Ivory," National Geographic (October 2012), Accessed 5 August 2014, <http://ngm.nationalgeographic.com/2012/10/ivory/christy-text>.
2. Elizabeth Kolbert, "Save the Elephants," New Yorker (7 July 2014), Accessed 5 August 2014, <http://www.newyorker.com/maga zi ne/2014 /07/07/save-t he-elephants>.
3. Sacha Vignieri, "Vanishing Fauna," Science 345.6195 (25 July 2014): 393–395.
4. Edward O. Wilson, *The Future of Life* (New York: Knopf, 2004), 92.
5. Rudolfo Dirzo, "Defaunation in the Anthropocene," Science345.6195 (25 July 2014): 401–406.
6. Dirzo, 401.
7. Wilson, 99.
8. Franz J. Broswimmer, *Ecocide: A Short History of the Mass Extinction of Species* (New York: Pluto, 2002), 1.
9. Elizabeth Kolbert, *The Sixth Extinction: An Unnatural History* (New York: Henry Holt, 2014), 167.
10. Dirzo, 401.
11. Wilson, 59.
12. Wilson, 59.

-
13. См.: Donna Haraway, *When Species Meet* (University of Minnesota Press, 2007), Ursula Heise, “Lost Dogs, Last Birds, and Listed Species: Cultures of Extinction,” *Configurations* 18.1–2 (Winter 2010), 49–72 and Thom van Dooren, *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction* (New York: Columbia University Press, 2014).
 14. Justin S. Brashares et al., “Wildlife Decline and Social Conflict,” *Science* 345.6195 (25 July 2014): 377.
 15. См.: Brashares и др. о критике «войны с браконьерами», хотя они довольно характерно не связывают этот милитаризованный ответ на браконьерство с более широкой политикой насилия, которая характеризует «войну с террором».
 16. Christian Parenti, *Tropics of Chaos: Climate Change and the New Geography of Violence* (New York: Nation Books, 2012).
 17. Michael Hardt and Antonio Negri, *Commonwealth* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2011), viii.
 18. Vandana Shiva, *Stolen Harvest: The Hijacking of the Global Food Supply* (Boston, MA: South End Press, 2000).
 19. James O’Connor, *Natural Causes: Essays in Ecological Marxism* (New York: Guilford Press, 1997), 166.
 20. David Harvey, *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism* (New York: Oxford University Press, 2014), 222.
 21. Vandana Shiva, *Monocultures of the Mind: Biodiversity, Biotechnology, and Agriculture* (New Delhi: Zed Press, 1993).
 22. Harvey, *Seventeen Contradictions*, 254.
 23. Sasha Lilley, David McNally, and Eddie Yuen, *Catastrophism: The Apocalyptic Politics of Collapse and Rebirth* (New York: PM Press, 2012).
 24. Ranajit Guha and Juan Martinez-Alier, *Varieties of Environmentalism: Essays North and South* (London: Earthscan, 1997), 12.
 25. Dirzo, 404.

-
26. Andrew Revkin, “Confronting the Anthropocene,” New York Times (11 May 2011), Accessed 9 August 2014,
<http://dotearth.blogs.nytimes.com/2011/05/11/confronting-the-anthropocene/>.
 27. Dipesh Chakrabarty, “The Climate of History,” Critical Inquiry 35 (Winter 2009), 197–222.
 28. Paul Crutzen, “The Geology of Mankind,” Nature 415.6867 (2002), 23.
 29. Jason Moore, “Anthropocene or Capitalocene?” Accessed 9 August 2014,
<http://jasonwmoore.wordpress.com/2013/05/13/anthropocene-or-capitalocene/>
 30. Dirzo, 401.
 31. Mark Nathan Cohen, *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture* (New Haven, CT: Yale University Press, 1977).
 32. Broswimmer, 12–22.
 33. Broswimmer, 24.
 34. Wilson, 96.
 35. Broswimmer, 9.
 36. Clive Ponting, *A Green History of the World: The Environment and the Collapse of Great Civilizations* (NY: Penguin, 1991), 37.
 37. William F. Ruddiman, “The anthropogenic greenhouse era began thousands of years ago”. *Climatic Change* 61.3 (2003): 261–293.
 38. Ponting, 54.
 39. Steven Roger Fischer, *History of Writing* (New York: Reaktion Books, 2004), 22.
 40. Fischer, 36.
 41. Broswimmer, 36.
 42. Brian R. Ferguson, “Ten Points on War,” *Social Analysis*, 52.2 (Summer 2008), 32–49.
 43. Ponting, 58.

-
44. Robert Pogue Harrison, *Forests: The Shadow of Civilization* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1992), 17.
 45. Neil Roberts, *The Holocene: An Environmental History* (New York: Basil Blackwell, 1992).
 46. Joseph Tainter, *The Collapse of Complex Societies* (New York: Cambridge University Press, 1990).
 47. J. Donald Hughes, *Environmental Problems of the Greeks and Romans: Ecology in the Ancient Mediterranean* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2014).
 48. Broswimmer, 42.
 49. Broswimmer, 42.
 50. Broswimmer, 42.
 51. J. Donald Hughes, “Ripples in Clio’s Pond: Rome’s Decline and Fall: Ecological Mistakes?” *Capitalism, Nature, Socialism* 8.2 (June 1997), 117–21.
 52. Sally Grainger, ed., *Apicius: A Critical Edition* (New York: Prospect Books, 2006).
 53. Tainter, 146.
 54. Christopher Columbus, *Select Letters of Christopher Columbus*, R.S. Major, trans and ed. (London: Hakluyt Society, 1870), 5. // Цит. по: Путешествия Христофора Колумба, Государственное издательство географической литературы, Москва, 1952 — примечание для сноски.
 55. Columbus, 4.
 56. Joel Kovel, *The Enemy of Nature: The End of Capitalism or the End of the World* (New York: Zed, 2007), 38.
 57. Quoted in Kovel, 41. // Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, издание второе, том 46, часть I, Издательство политической литературы, Москва, 1968 год
 58. Ponting, 179.
 59. Broswimmer, 63.
 60. Alfred Crosby, *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492* (New York: Praeger, 2003).

-
61. Richard Grove, *Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens, and the Origins of Environmentalism, 1600–1860* (New York: Cambridge University Press, 1996).
 62. Grove.
 63. Eric Williams, *Capitalism and Slavery* (Charlotte, NC: University of North Carolina Press, 1994).
 64. Vandana Shiva, *The Violence of the Green Revolution: Third World Agriculture, Ecology, and Politics* (New York: Zed Books, 1992).
 65. John Locke, *Second Treatise on Government*, Chapter 5: Of Property, <http://www.constitution.org/jl/2ndtr05.htm> // Цит. по: Джон Локк, «Второй трактат о правлении», глава V «О собственности», Сочинения: В 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988
 66. Barbara Arneil, *John Locke and America: The Defense of English Colonialism* (New York: Oxford University Press, 1996).
 67. Carolyn Merchant, *The Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution* (New York: HarperOne, 1990).
 68. Silvia Federici, *Caliban and the Witch: Women, the Body, and Primitive Accumulation* (New York: Autonomedia, 2004), 65.
 69. Vandana Shiva and Ingunn Moser, eds., *Biopolitics: A Feminist and Ecological Reader on Biotechnology* (Atlantic Highlands, NJ: Zed, 1995).
 70. David Harvey, *The Enigma of Capital* (New York: Oxford University Press, 2010), 217.
 71. Ponting, 186.
 72. John F. Richards, *The World Hunt: An Environmental History of the Commodification of Animals* (Berkeley, CA: University of California Press, 2014), 112.
 73. Richards, 134.
 74. Richards, 131.
 75. Broswimmer, 68.
 76. Broswimmer, 68.
 77. Adam Smith, *The Wealth of Nations*.
 78. Ponting, 155.

-
79. Для обсуждения экономических и политических механизмов, порождающих империализм, см.: David Harvey, *The New Imperialism* (New York: Oxford University Press, 2003).
 80. Roxanne Dunbar-Ortiz, *An Indigenous People's History of the United States* (New York: Beacon, 2014).
 81. Broswimmer, 65.
 82. Rebecca Solnit, *Savage Dreams: A Journey in the Hidden Wars of the American West* (San Francisco: Sierra Club, 1994).
 83. David Zierler, *The Invention of Ecocide: Agent Orange, Vietnam, and the Scientists Who Changed the Way We Think About the Environment* (Athens, GA: University of Georgia Press, 2001).
 84. Barry Sanders, *The Green Zone: The Environmental Costs of Militarism* (Oakland, CA: AK Press, 2009).
 85. Naomi Klein, *This Changes Everything: Capitalism vs. The Climate* (New York: Simon and Schuster, 2014).
 86. Damian Carrington, "Earth Has Lost Half Its Wildlife in the Past Forty Years, WWF Says," *The Guardian* (30 September 2014), <http://www.theguardian.com/environment/2014/sep/29/earth-lost-50-wildlife-in-40-years-wwf>
 87. Adrian Parr, *The Wrath of Capital: Neoliberalism and Climate Change Politics* (Columbia University Press, 2014).
 88. WWF, *Living Planet Report 2014*, http://wwf.panda.org/about_our_earth/all_publications/living_planet_report/
 89. J. B. MacKinnon, *The Once and Future World: Nature As It Was, As It Is, As It Could Be* (New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013).
 90. George Monbiot, *Feral: Searching for Enchantment on the Frontiers of Rewilding* (New York: Allen Lane, 2013), 84.
 91. Monbiot, *Feral*, 12.
 92. Kolbert, *Sixth Extinction*, p. 159.

-
93. Для обзора дебатов вокруг темы вспомогательной колонизации см.: John Lascher, “If You Plant Different Trees in the Forest, Is It Still the Same Forest?” *The Guardian* (19 October 2014), <http://www.theguardian.com/vital-signs/2014/oct/19/-sp-forests-nature-conservancy-climate-change-adaptation-minnesota-north-woods>.
 94. Philip Seddon et al., “Reversing Defaunation: Restoring Species in a Changing World,” *Science* 345.6195 (2014): 406–412.
 95. “Environmentalism and Postcolonialism” in Ania Loomba and Suvir Kaul, eds., *Postcolonial Studies and Beyond* (Durham, NC: Duke University Press, 2005), 233–51.
 96. Для деконструкции таких представлений о первозданности дикой природы см.: William Cronon, “The Trouble With Wilderness; or, Getting Back to the Wrong Nature,” in William Cronon, ed., *Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature* (New York: W. W. Norton & Co., 1995), 69–90.
 97. Sergey Zimov, “Pleistocene Park: Return of the Mammoth’s Ecosystem,” *Science* 308.5723 (6 May 2005), 796–798.
 98. Paul S. Martin, *Twilight of the Mammoths: Ice Age Extinctions and the Rewilding of America* (Berkeley, CA: University of California Press, 2005); Josh Donlan, “Lions and Cheetahs and Elephants, Oh My!” *Slate*, August 18, 2005. See also The Rewilding Institute at <http://rewilding.org/rewildit/> and Rewilding Europe at <http://www.rewildeurope.com/>.
 99. Elizabeth Kolbert, “Recall of the Wild: The Quest to Engineer a World Before Humans,” *The New Yorker* (24 December 2012), <http://www.newyorker.com/magazine/2012/12/24/recall-of-the-wild>.
 100. George Church and Ed Regis, *Regenesis: How Synthetic Biology Will Reinvent Nature and Ourselves* (New York: Basic Books, 2012), 10.

-
101. О превращении жизни в код см.: Eugene Thacker, *The Global Genome: Biotechnology, Politics, and Culture* (Cambridge, MA: MIT Press, 2005).
 102. Church and Regis, 10.
 103. Nathaniel Rich, “The Mammoth Cometh,” *New York Times Magazine*.
 104. Church and Regis, 12.
 105. Church and Regis, 12.
 106. Josh Donlan, “De-extinction in a Crisis Discipline,” *Frontiers of Biogeography* 6.1 (2014), 25–28.
 107. Scientific American Editors, “Why Efforts To Bring Extinct Species Back from the Dead Miss the Point,” *Scientific American* 308.6 (14 May 2013),
<http://www.scientificamerican.com/article/why-efforts-bring-extinct-species-back-from-dead-miss-point/>
 108. Dr. Norman Carlin, Ilan Wurman, and Tamara Zakim, “How To Permit Your Mammoth: Some Legal Implications of ‘De-Extinction,” *Stanford Environmental Law Journal* 33.3 (January 2014), <https://journals.law.stanford.edu/stanford-environmental-law-journal-selj/print/volume-33/number-1/how-permit-your-mammoth-some-legal-implications-de-extinction>.
 109. Melinda Cooper, *Life as Surplus: Biotechnology and Capitalism in the Neoliberal Era* (Seattle, WA: University of Washington Press, 2008), 27.
 110. Cooper, 23.
 111. Church and Regis, 4.
 112. Мелинда Купер чрезвычайно точно связывает монетаристскую революцию и рост финансирования исследований в области наук о жизни. См.: Cooper, 29–31.
 113. David Harvey, *The New Imperialism* (New York: Oxford University Press, 2003), 67.
 114. Ilya Prigogine and Isabelle Stengers, *Order Out of Chaos: Man’s New Dialogue With Nature* (New York: Bantam, 1984).
 115. Cooper, 38.

-
116. Naomi Klein, *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism* (New York: Picador, 2008).
 117. Stefano Liberti, *Land Grabbing: Journeys in the New Colonialism* (New York: Verso, 2014).
 118. Global Justice Ecology Project, *The Green Shock Doctrine* (12 May 2014), <http://globaljusticeecology.org/green-shock-doctrine/>
 119. Ibid, 8.
 120. John Vidal, “How the Kalahari Bushmen and Other Tribespeople Are Being Evicted to Make Way for ‘Wilderness,’” *The Guardian* (15 November 2014),
<http://www.theguardian.com/world/2014/nov/16/kalahari-bushmen-evicted-wilderness>
 121. Первый многообещающий шаг в этом направлении был сделан на заседании Конвенции ООН о биологическом разнообразии в 2014 году, хотя он встретил яростное сопротивление со стороны таких стран, как США и Великобритания, где сильны позиции индустрии синтетической биологии. См.: “Regulate Synthetic Biology Now: 194 Countries,” SynBio Watch (20 October 2014),
<http://www.synbiowatch.org/2014/10/regulate-synthetic-biology-now-194-countries/>
 122. George Monbiot, “A Manifesto For Rewilding the World,”
<http://www.monbiot.com/2013/05/27/a-manifesto-for-rewilding-the-world/>
 123. Jonathan Watts, “Ecuador Approves Yasuni National Park Oil Drilling in Amazon Forest,” *The Guardian* (16 August 2013),
<http://www.theguardian.com/world/2013/aug/16/ecuador-approves-yasuni-amazon-oil-drilling>.
 124. Peder Anker, *Imperial Ecology* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009).
 125. Henry Veltmeyer and James Petras, eds., *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the 21st Century* (New York: Zed Books, 2014).

-
126. По делу о выплате климатического долга, см.: Andrew Ross, *Creditocracy and the Case for Debt Refusal* (New York: OR Books, 2014).
 127. Wilson, *The Future of Life*, 60.
 128. James Sayer, *Why We Can't Afford the Rich* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015).
 129. См.: Global Commons Institute website: <http://www.gci.org.uk/>
 130. Sara Jerving, Katie Jennings, Masako Melissa Hirsch and Susanne Rust, "What Exxon Knew About the Earth's Melting Arctic," *Los Angeles Times* (9 October 2015), <http://graphics.latimes.com/exxon-arctic/>
 131. Camilo Mora et. al., "The Projected Timing of Climate Departure from Recent Variability," *Nature* (9 October 2013).
 132. Peter H. Gleick, "Water, Drought, Climate Change, and Conflict in Syria," *Weather, Climate, and Society* 6.3 (July 2014), 331–340.
 133. Parenti, *Tropic of Chaos*.
 134. Erik A. Beever, Chris Ray, Jenifer L. Wilkening, Peter F. Brussard, Philip W. Mote, "Contemporary climate change alters the pace and drivers of extinction" *Global Change Biology*, 2011; DOI: 10.1111/j.1365-2486.2010.02389.x
 135. Broswimmer, 7.
 136. Cormac Cullinan, *Wild Law: A Manifesto For Earth Justice* (New York: Chelsea Green, 2011).
 137. Kolbert, 266. // Цит. по: Колберт Э (2019) Шестое вымирание. Москва, Издательство Аст.
 138. Kolbert, 266.
 139. Fredric Jameson, "Future City," *New Left Review* 21 (May–June 2003), <http://newleftreview.org/II/21/fredric-jameson-future-city>.
 140. Klein, *This Changes Everything*.
 141. Broswimmer, 7.